

№4⁽⁷⁾
Апрель 2006

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

**ЕГО ДОРОГОЙ
СКОРБИ**

**ГЛАВНОЕ,
НЕ ОЧЕНЬ
ЗАНОСИТЬСЯ**

**БАТУМ, ИЛИ
ТРИ ПОПЫТКИ
ПОБЕДИТЬ
СУДЬБУ**



Внешторгбанк
энергия успеха

www.vtb.ru



УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№4⁷¹
Апрель 2006

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

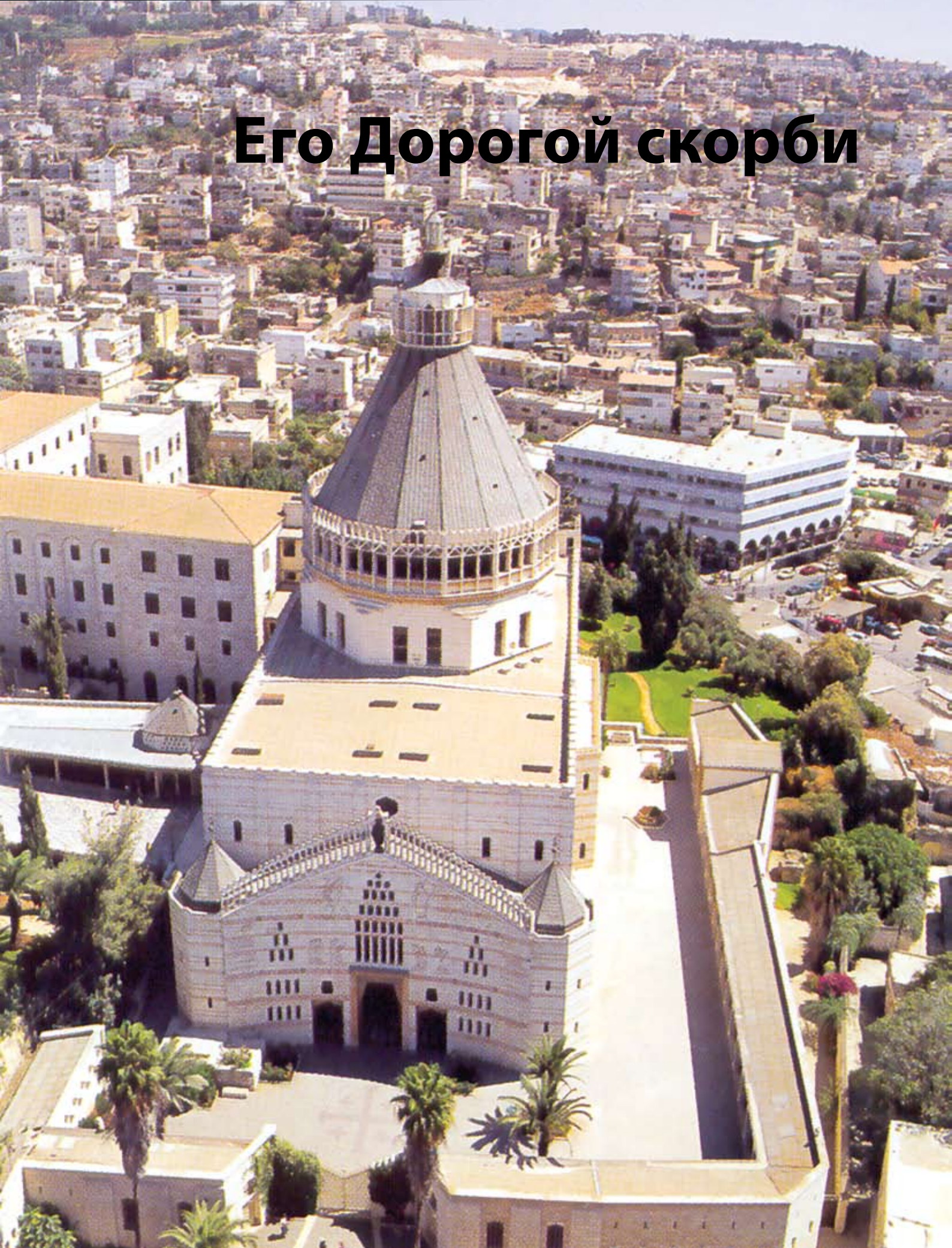
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ	ЕГО ДОРОГОЙ СКОРБИ	4
ДИАЛОГ С МАСТЕРОМ	ГЛАВНОЕ, НЕ ОЧЕНЬ ЗАНОСИТЬСЯ	8
ШЛЕЙФ ПРОШЛОГО	БАТУМ, ИЛИ ТРИ ПОПЫТКИ ПОБЕДИТЬ СУДЬБУ	13
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	БЫТЬ ГЕНИЕМ «ЯСНО И ЛЕГКО»	18
МУЗЕЙОН	ПОЭЗИЯ КРАСОК	22
	ГРУЗИНСКОЕ СОКРОВИЩЕ «РУССКОГО АЛКОГОЛЯ»	27
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	РУССКОЕ ПОЛЕ НА ГРУЗИНСКИХ ПРОСТОРАХ	30
ДИАЛОГ КУЛЬТУР	СТИХОТВОРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ЗВИАДА РАТИАНИ	34
ЛЕНТА ПАМЯТИ	ОН ТВОРИЛ СКАЗКУ	38
О, СПОРТ!	МУШКЕТЕР С ВЕРИЙСКОГО КВАРТАЛА	42
ПАМЯТЬ	ВААЛ, СПАСИ НАС	46
ЗНАЙ НАШИХ!	АРИСТОКРАТ ЯМБИЧЕСКИХ КРОВЕЙ	48

ПУТЕ *ШЕСТВИЕ*

Его Дорогой скорби





нослужителей, армянских и католических священников, а также священнослужителей и ученых практически всех протестантских церквей христианского мира.

Разнообразие христианских конгрегаций на Святой Земле объясняется просто: во времена Византии (324-636 гг. н.э.), в эпоху крестовых походов (1099-1291), в 400-летний период Османской империи (1517-1917) и до настоящего времени церкви стремились установить, а затем и сохранить свое присутствие на земле, где родилась их вера.

В результате здесь обосновалось великое множество церквей различного вероисповедания с 2500 священниками почти из всех стран мира - греческая православная, русская православная, римско-католическая, сирийская католическая церкви, марониты, греческие, армянские и халдейские католики, армянские православные, сирийские православные (якобиты), копты, эфиопские православные - все они получили (нередко в острой борьбе) свою долю почитаемых святых мест.

НАЗАРЕТ

Некогда скромный город в Галилее, в котором не было ничего примечательного (Иоан. 1:46), Назарет сегодня представляет собой оживленный город с самым большим арабско-христианским населением на Святой Земле. Одной из самых ярких достопримечательностей города является Храм Благовещения, напоминающий прихожанам о Благой Вести Архангела Гавриила Деве Марии о рождении Мессии (Лук. 1:26-38).

Архитектура церкви напоминает об арамейском значении слова Назарет - «Смотровая Башня». Она высятся над тщательно расчищенными древними постройками Назарета, которые сегодня открыты для осмотра. В интерьере церкви включены фрагменты трех более ранних церквей и древнее строение - горница Марии, которая по традиции считается местом Благой Вести.



История Святой Земли не имеет аналога на нашей планете. Святая Земля невелика, и все же на одном ее конце - горы и снег, а на другом - пустыня и прохладные воды.

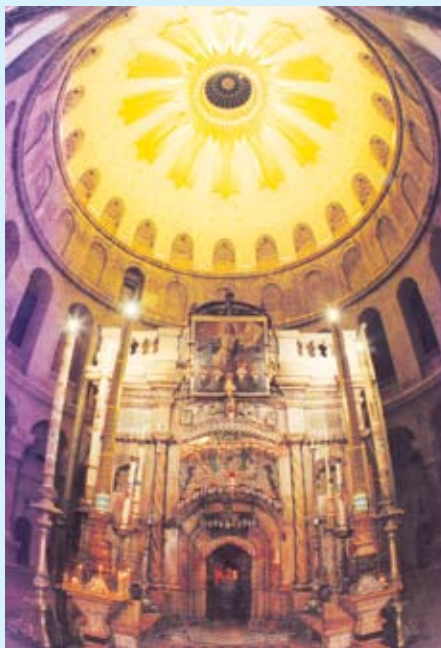
Попытка понять сокровенную суть такой земли - невероятный вызов.

Нигде в мире наблюдательный путешественник не увидит христианство в таком многообразии, как на Святой Земле.

Во время утренней прогулки по Старому городу Иерусалима он может встретить греческих или сирийских православных монахов, эфиопских и критских священ-

Современная церковь была построена в 1968 году и содержит красочную роспись, в том числе изображенную «Мадонны с младенцем».

Кроме Храма Благовещения, в Назарете есть другие достопримечательности, напоминающие верующим о важных событиях в жизни Иисуса. В 300 метрах севернее Храма находится греко-православная церковь Архангела Гавриила. Построенная в 1781 году над руинами Церкви Крестоносцев XII века, церковь Архангела Гавриила



Иудеи правили в этом городе и погребены здесь. Иерусалим был разрушен в 586 г. до н.э. вавилонянами. После долгого плена евреям было позволено вернуться по повелению персидского царя Кира, и отстроить разрушенный Храм. Второй Храм, впоследствии значительно улучшенный и расширенный Иродом Великим, стоял вплоть до разрушения римлянами в 70 г. н.э.

Сегодня Иерусалим – это оживленный город, разросшийся далеко за пределы старых стен. Проходы в Старый город, мощенные иерусалимским «золотым» камнем, закрыты для транспорта, что обеспечивает сохранность исторических памятников.

Рим почитает себя центром христианского мира, и Собор св. Петра, конечно же, величественнее любого памятника Иерусалима, однако в пределах седых иерусалимских стен есть места, которые трогают душу даже самого равнодушного в делах веры христианина. Это Виа Долороза, т.е. Дорога скорби или Крестный путь, и Голгофа.

Паломникам не стоит горевать, что ныне Дорога скорби – это торговая улица, где есть даже сувенирный магазин «Темница Христова» и модная лавка (бутик) под названием «Девятая остановка на Крестном пути». Посетителю лучше заткнуть себе уши от рева мотороллеров (а заодно и нос от проходящих ослов) и ни на минуту не забывать, что и во

стоит у древнего источника, который питает «Фонтан Девы», где, как верят многие православные христиане, и произошло Благовещение. Когда Иисус вернулся в Назарет, чтобы проповедовать в своем родном городе, его ждал враждебный прием (Лук. 4). Сегодня об этом напоминает греческая католическая «Синагогальная Церковь».

Вскоре после того, как Иисус в возрасте 28 лет покинул Назарет, он встретил Иоанна Крестителя, читающего наставления народу на берегу реки Иордан. В водах этой реки, которая так часто описывается в Библии, Иисус получил Крещение. Очистившись, он стал готовым для выполнения своей божественной миссии. Предание говорит, что Крещение Иисуса произошло возле того места, где сливаются воды Галилейского моря и реки Иордан.

ИЕРУСАЛИМ

Раскинувшийся на холмах Иудеи, Иерусалим изначально был ханаанской крепостью Дметус, пока его не завоевал царь Давид около 1000 г. до н.э. Соломон построил и освятил здесь первый Храм. Последующие цари

времена Иисуса это тоже была оживленная, запруженная людьми и животными городская улица.

Дорога скорби начинается у Ворот св. Стефана (называемых также «Львиными Воротами»). Муниципальная корпорация по застройке Восточного Иерусалима недавно закончила здесь строительство Страннопримной площади, не доходя 30 м до Ворот св. Стефана. Эта площадь явилась завершающим элементом ремонта Дороги скорби, включающего восстановление обветшалых зданий и нависающих над улицей арок, замену сточно-дренажной системы четырехсотлетней давности. Когда площадь очистили от наслоений, открылись огромные плиты мостовой римского периода. По этим и другим таким же камням, открытым кое-где дальше по пути, вполне возможно, ходили Иисус и его последователи.

Прямо напротив площади стоит Церковь св. Анны, наиболее сохранившаяся в первозданном виде Церковь Крестноносцев. Помимо склепа, почитаемого за Место рождения св. Марии, в комплекс этой церкви входит купель Вифезда, где Иисус совершил чудесное исцеление.

Начало Крестного пути, где Иисус был приговорен,

укрыто во дворе мусульманской школы Умарийя для мальчиков. Вторая остановка – место, где Иисус получил свой Крест, находится через улицу, у часовни Осуждения и церкви Бичевания, здесь бичевали Иисуса, здесь увенчали его терновым венцом.

Считается, что события, связанные с первыми двумя пунктами Крестного пути, происходили в Антониевой крепости царя Ирода, остатки которой находятся ныне под церквями по обе стороны Дороги скорби. В находящейся неподалеку церкви Сестер Сионовых, к примеру, имеется огромное подземное помещение, именуемое Лифостротонном, о котором нередко говорят, что именно здесь Понтий Пилат судил Иисуса.

Перед ним стоит арка «Эссе Хомо», т. е. «се, Человек» (слова, которыми Пилат издевательски представил Христа в терновом венце обвинителям его), построенная, по мнению исследователей, императором Адрианом во II в. н.э.

Почти все дальнейшие остановки на Крестном пути отмечены табличками с соответствующими цитатами из Библии, а некоторые еще и выложены веерообразным узором на камнях мостовой.

Третья остановка, где Иисус упал, неся крест, отмечена колонной в стене на улице Аль-Вад, которую пересекает Дорога скорби. Сразу за ней следует Четвертая остановка, где Иисус встретил Марию. Здесь находится армянская католическая церковь Богоматери-великомученицы, с подземной часовней, украшенной интересной византийской мозаикой.

Здесь Дорога скорби идет довольно круто вверх и,

заворачивая вправо от Аль-Вад, переходит в оживленную торговую улицу. Пятая остановка находится как раз на стыке улиц Аль-Вад и Дороги скорби. Это именно то место, где Симон Киринаянин помог Иисусу нести Крест. Чуть дальше – Шестая остановка у Дома св. Вероники, где эта святая утерла лицо Иисуса своим покрывалом. У обеих остановок стоят часовни.

В месте, где Дорога скорби пересекает базар Сук Хан эз-Зеид,

находится Седьмая остановка, где Иисус вновь упал. И здесь же, как полагают, были Судные ворота, через которые Иисуса вывели из города к месту распятия, а также место, где его смертный приговор был вывешен на всеобщее обозрение.

Здесь Дорога скорби ни с того ни с сего... исчезает. Дело в том, что остаток пути до церкви Гроба Господня застроен зданиями. Однако, и эта церковь, и последние остановки совсем недалеко. Восьмая остановка находится у греко-православной часовни св. Харлампия, построенной на том месте, где Иисус обратился к женщинам со словами: «Плачьте не обо мне, но об Иерусалиме!»

Столбом у комплекса эфиопской коптской церкви близ базара Хан эз-Зеид отмечена Девятая остановка, где Иисус споткнулся в третий раз. Все последние остановки находятся в пределах большой и таинственной церкви Гроба Господня.

Гроб Господень. Прежде всего церковь озадачивает своими размерами и сложностью. Здесь в самой высокой точке Старого города у римлян был храм, посвященный Венере. В IV веке, после того, как мать императора Константина Елена установила место, где была гробница Иисуса, император воздвиг здесь церковь. Позднее церковь Константина была разрушена, а нынешнюю церковь построили крестоносцы в XII веке.

Сейчас церковь делят между собой несколько христианских общин. У каждой в ней есть свои часовни и алтари, и каждая отправляет богослужения по собственному распорядку. Каждая отвечает за поддержание святости и уход за зданием на своей, точно определенной территории. А в прошлом отцы церкви, бывало, яростно ссорились из-за того, к примеру, кому какие ступени подметать.

Безусловно, эта церковь обладает особым величием. Конечно, главные ее точки – это место над бугром, где свершилось распятие Христа (называемое на древнееврейском Голгофа, а по латыни Кальвари), и гробница, куда его положили. Эти места включают продолжение Дороги скорби и последние остановки на Крестном пути.

Ступени справа, сразу какходишь в Церковь, ведут вверх к Голгофе. Десятая остановка, где с Иисуса сняли одежды, отмечена на мозаике пола. Последующие три остановки находятся у латинского и греческого алтарей, на одном уровне и в нескольких шагах одна от другой. Они отмечают место, где Иисуса прибили гвоздями к Кресту, место, где установили Крест и где его тело сняли с Креста.

Четырнадцатая остановка внизу – это сам Гроб Господень (т. е. гробница). Она расположена над главной ротондой церкви. Внутри Гроба Господня находятся часовня Ангела, камень, чудесным образом отваленный от входа в гробницу, часовня, внутри которой – место погребения, и примыкающая сюда же Гробница Иосифа Аримафейского.

В числе других достопримечательностей комплекса Церкви – Католикон, большой греческий собор близ главной ротонды, где каменный портир (чаша для святых даров) на полу отмечает центр света, часовни в честь св. Елены, Адама и Обретения Животворящего Креста Господня, и Гробницы крестоносцев – королей Иерусалимских.

Вокруг Церкви Гроба Господня стоят церкви чуть ли не всех христианских конфессий.

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ



ГЛАВНОЕ,
НЕ ОЧЕНЬ
ЗАНОСИТЬСЯ

Александра Калягина знают как яркого и многоликого артиста. Но его многоликость особая. Она не только на экране и сцене, но и в жизни. Он и председатель Союза театральных деятелей, и художественный руководитель театра «Et cetera», а с недавних пор еще и член Общественной палаты, председатель комиссии по развитию культуры. Несмотря на все свои должности, главным для себя считает профессию актера.

- Александр Александрович, случайно мелькнула информация, что был момент, когда Вас хотели отчислить из Щукинского училища за «профнепригодность». Почему? Вы с вашей внешностью не вписывались ни в образ комсомольского лидера, ни в образ героя-любовника? Скажите, как удалось Вам решить эту проблему?

- Мне было тогда 19-20 лет, и я так запаниковал, когда понял, что меня просто выгонят. И с меня слетела вся спесь. Я немножко чувствовал себя премьером. В самодеятельности был «первым парнем на деревне», был уже лауреатом Всероссийского конкурса артистов-чтецов, у меня были свои литературные програм-

мы. И вдруг мне показали, что на самом деле я мало что умею. И эта паника заставила меня немного собраться, я бы так сказал. Мне кажется, в молодости у всех бывают такие моменты паники. Когда есть угроза потери чего-то важного, тогда мобилизуешься, и мозги ввинчиваются на место.

- Вы наблюдаете такую способность у Ваших студентов?

- Знаете, у меня был чудный курс, сейчас у меня нет студентов, хотя скоро я, очевидно, опять наберу группу. Так вот, по моим наблюдениям за молодыми актерами, у них паники нет. Я не знаю как грузинских актеров, но русских напугать сложно. Ну, как? Сказать – тебя выгонят из театра, будет переживать, но не настолько. Именно «не на столько». Вы только не подумайте, что это брюзжание опытного артиста, нет. Может, время сейчас такое, когда людей по-настоящему мало что может напугать. Ну, скажем, роль не дадут. Здесь не дадут, так в другом он ее получит. Хотя, видимо, нечто такое есть, что все же заставляет их собраться. С одной стороны, у сегодняшней молодежи есть свойство все попробовать, всему научиться, а с другой, по-настоящему они мало во что верят.



- Определенный цинизм появился в отношениях?

- Ну, на мой взгляд, цинизм в очень дозированном количестве должен быть во всем. Потому что многим людям трудно верить в идеалы, когда эти идеалы у всех, поверьте мне, подмочены. Точно так же, как нет ни одной, с моей точки зрения, действительно демократической страны. У каждой свои «изюминки», своя специфика



демократии, свои оттенки, позволяющие многое оправдать. Сегодня трудно во что-то по-настоящему верить. А цинизм позволяет, как мне кажется, немного отстраненно, с другого угла посмотреть на себя, на ситуацию. Даже скорей больше на себя посмотреть, и главное, не очень заноситься.

- У Вас это получается? Какая главная черта Вашего характера?

- Наверное, самоирония. Я хорошо вижу себя со стороны. Мне кажется, мужчину это очень красит. Если он очень серьезно относится к себе, это ужасно. Мужчина должен с юмором, с иронией смотреть на себя.

- А женщина?

- Женщине все-таки можно простить. В этом тоже есть очарование, если она немножко серьезнее к себе относится. Женщина может это себе позволить.

- В общении с людьми что больше всего цените?

- Я обожаю доброе отношение к себе и вообще не люблю конфликтовать. Я расцветаю в любви, в доброте. Бывают люди наоборот – от жесткости чувствуют себя накачанными, сильными. А я хочу, чтоб меня любили, чтоб уважали. Но с годами все больше слышишь шипение вокруг себя. Сказать, что мне на это наплевать, не могу.

- Что Вы считаете своим главным недостатком?

- Отсутствие терпения, настоящего, мудрого. Я хочу все быстрее сдвинуть, резко повернуть рычаг и других подтолкнуть.

- Это совсем не удивительно - с Вашими должностями и общественными нагрузками. Сейчас Вы еще и член Общественной палаты. Что такое Общественная палата, и какова Ваша функция в ней?

- Необходим хоть какой-то контроль общества над властью. В этом и состоит идея палаты. Можно быть на стороне власти или в оппозиции – не важно, но мы делаем общее дело. Нужны анализ ситуации, помощь в более тесной связи между государством и людьми. Главное,

чтобы это не было ширмой, потемкинской деревней или выпусканьем пара – поговорили и разошлись. Ведь недочетов масса – и в законодательной сфере, и в реформах. Надо же просчитывать, как в будущем скажется новый закон, сегодняшнее реформирование, в том числе, и на культуре. Вот и приходится объяснять, напоминать, втолковывать. Кстати, президент Путин сразу после избрания сказал нам, - вы не думайте, что чиновники будут ждать вас, нет, двери придется открывать тяжело. Что, собственно, я и получил как председатель комиссии по развитию культуры.

- На посту председателя СТД Вы занимаетесь и русскоязычными театрами, находящимися за пределами России. У нас в Тбилиси Вы прекрасно знаете старейший Грибоедовский театр, есть русская труппа ТЮЗа. Как у Вас складываются отношения с тбилисскими коллегами, есть возможность как-то их поддержать?

- Два года назад, при содействии президента России был создан Центр поддержки русскоязычных театров за рубежом. Какую помощь мы можем оказать? Мы можем на деньги Центра послать в Тбилиси режиссера для постановки или даже постановочную группу, оплатить их гонорар, взять на себя постановочные расходы. Мы можем организовать мастер-классы и из Тбилиси пригласить на стажировку в Москву педагогов, режиссеров, артистов. У нас ведут мастер-классы Васильев, Хейфец, Додин, вот в этом плане мы готовы сделать все. Но когда нам говорят: почините нам крышу или где-то не хватает фонарей, на это мы не можем выделить деньги. Средства идут только на расходы по постановке спектакля.

- А мы могли бы рассчитывать на проведение Вашего мастер-класса в Тбилиси?

- Моего? У вас есть Стуруа, есть именитые режиссеры...

- Но это они, а хотелось бы на Вашем мастер-классе присутствовать в Тбилиси.

- Ну, хорошо, только тогда совместно с Робико Стуруа!

- Договорились?

- Даю слово!

- Интересно у Вас выстраивается линия жизни – зигзагами. Сейчас из известного артиста Вы уже переходите в какое-то иное качество – общественное.

- И в мыслях ничего не было, кроме желания играть. Я с детства обожал театр, цирк, не хотел уходить, прятался под кресла, чтобы мама не нашла, примерял все маски. Я все время вспоминаю свою маму. Папу не помню, мне было два месяца, когда он умер от кровоизлияния мозга.

- Кто был Ваш папа?

- Директор педагогического института, где мама работала. Она была завкафедрой французского языка.

- Вы хорошо знаете французский?

- Плохо. Так вот моя мама незадолго до смерти лежала в больнице. У нее под подушкой лежала «Вечерняя Москва» с рецензией на «Старый новый год». Это была моя первая роль во МХАТе в начале семидесятых. До этого я работал на Таганке два года, в театре Ермоловой. Мама все время читала статью и очень гордилась мной. Если бы сейчас моя мама видела, что я занимаю какие-то должности, она была бы просто счастлива, она не поверила бы, потому что в детстве я был безумно тяжелым ребенком. Неумный, конфликтующий со всеми, у меня на все было свое мнение...



«Венецианский купец» (Джессика - Мария Скосырева)

- И учились Вы...

- Плохо. Скажем так, не очень хорошо.

- Сомнения Вам свойственны?

- Конечно. Все время.

- И в каждой новой роли ощущение ученика?

- Это само собой, это даже не обсуждается.

- Для многих почитателей Вашего таланта роль Тетушки Чарли из «Здравствуйте, я ваша тетя!» остается самой любимой. Я ничего не говорю о цитатах из фильма, ставших просто народными. К примеру, «Я тебя поцелую, потом, если захочешь!» Вы сами как относитесь к этой роли?

- Кстати, эта фраза, которую вы сейчас сказали, ее изначально в сценарии не было, мы ее придумали вместе с Арменом Джигарханяном. К этому фильму я отношусь хорошо. Если говорить о том, что все комедийное искусство, литература вышли из гоголевской «Шинели», то я вышел из Чаплина. Примерно в 7 лет я увидел его фильмы. Я был потрясен, я бредил им. С тех пор Чаплин – мой бог, кумир. Позже был Райкин. Но, я думаю, Чаплин заочно мой крестный отец. Тетушка Чарли вышла из этой чаплинской «Шинели». С одной стороны, эта роль вроде и не стоит особняком, а с другой стороны, кроме Тетушки Чарли, таких откровенно комедийных ролей я больше не играл. Хотя, ваш великолепный Робико Стуруа, работать с которым для меня счастье, просто вдохнул в меня вторую жизнь, когда мы репетировали Шейлока в «Венецианском купце» Шекспира у нас в театре. Потом он сделал у нас же «Последнюю запись Креппа». Я вообще обожаю Робико, как и всю грузинскую команду вместе с Канчели и Алекси-Месхишвили.

- В одном из интервью вы назвали Стуруа наряду с Эфросом своим учителем...

- Я просто моллю Бога, чтобы он как можно дольше жил и творил. И потом, куда ни ткнешь, в грузинской нации обнаружишь такой кладезь ума, таланта, мудрости, юмора. Это не комплимент, это действительно так. Нация, которая умеет и себя ценить, и на других с юмором посмотреть. А великие ее представители умеют это потрясающе делать. Стуруа практически поднял наш театр. Причем, я имею в виду не только его работу над спектаклями. Счастье просто видеться с ним, жить на сцене, общаться в течение 2-3 месяцев, вообще быть с ним! Это чувство подняло всех в театре, и меня в первую очередь. И вот, возвращаясь к теме чистой комедии, мечтаю, чтобы Роберт поставил у нас что-нибудь комедийное, о чем я ему неоднократно намекал, ведь он ставил в свое время «Хануму». Вот тут, как говорит молодежь, я бы «оттянулся по полной».

- Тем более, в Вашем новом здании театра «Et cetera»...

- Да, сцена у нас отлично оснащена - механика, электроника - на этой сцене любые фантазии можно реализовать, сцена позволяет. Кстати, Роберт был на нашем новоселье 30 ноября и видел все это.

- Когда впервые попадаешь в «Et cetera», он поражает. Там игра начинается еще до спектакля - в фойе, в зрительном зале. Вы сами все это придумывали?

- Да, у нас интерьер с сюрпризами. Я эту идею на других проверял, например, на Стуруа: в театре разные фойе, в зрительном зале разные кресла, ни одна ложа не повторяет другую, все разные по форме и каждая со своим названием: центральная - ложа Годо, а



Сцена из спектакля

еще есть «Хлыновская» и «Фальстаф», «Митрофанушка» и «Тартюф» и т.д. Мне хотелось, чтобы зритель сразу попадал в театр, а не в какое-то скучное заведение, где все выстроено в ряд, все, как у других. Я считаю, что театр должен начинаться с понятия радости. Там вас должны поразить, удивить, потрясти... Вас удивляет сначала зрительный зал и фойе, а дальше гасится свет, и все забывается. Главное происходит на сцене. А это все пред-игра. Но в акте творчества, как в акте любви, важна пред-игра, предожидание, ожидание, что дальше произойдет что-то необычное. Оно может обмануть вас, но должно быть пред-вкушение.

- Вы говорите, что театр начинается с радости. А в жизни больше поводов радоваться или огорчаться?



*"Русский Куп" —
это замечательная
идея — жить, любить,
дружить, вместе
вместе рожать, как
родные и прекрасные
Соезда, у которых было
великое прошлое и
будет великое будущее..."
Валентин Календин*



«Король Убю», Папаша Убю - А. Калягин

- Радоваться. Зачем гневить Бога - мы живы-здоровы, я реализовал свою мечту - построил театр, я сыграл за последние годы такие роли, о которых можно мечтать - Шейлок, Дон Кихот, король Убю. Это как вторая молодость, золотые годы во МХАТе. Я, например, сейчас отказываюсь от кино. Читаю сценарий, роль какого-то босса - ну, не могу. С одной стороны, мы стремимся к лучшему, оно нас поднимает, с другой стороны - контролирует. Сегодня люди довольствуются неглубоким, внешним. Я работал с такими режиссерами, как Эфрос, Швейцер, Стуруа, и они меня «развратили». Новая режиссура меня не удовлетворяет, это какой-то сиюминутный, поверхностный взгляд. Мне интересно более глубокое осмысление и проблем, и человека.

- На фасаде здания «Et setega» обращает внимание бронзовая табличка: «Театр построен на средства жителей Москвы». Что это значит?

- Все просто. Это значит, что театр - не моя собственность, не мое личное владение, он принадлежит городу. Меня не будет - никто ведь не вечен, а театр останется.

- Вы часто упоминаете Стуруа, ваш творческий союз известен. Как-то Роберт в разговоре о российско-грузинских отношениях и проблемах между Москвой и Тбилиси, сказал, что «Россия относится к Грузии, как ревнивый супруг». А что Вы думаете по этому поводу?

- Для меня то, что происходит между нашими странами, также большая тема, и я очень переживаю по этому поводу. Но в одном я убежден, можно ориентироваться на Запад, на Восток, на китайцев, на американцев, на кого хотите, хоть на Антарктиду. Но сосед есть сосед. Все! Вы не можете поменять его, он рядом с вами и вы рядом с ним. Сегодня он такой, завтра он другой, но он сосед. И это данность. Будут расти его дети, история будет продолжаться.

По-моему, сказываются еще и определенные комплексы. Грузия, несмотря на всю ее красоту и великолепие, небольшая страна. Комплекс малых стран заключается в том, что им кажется, что сейчас на них навалится все. Тем более, что действительно в прошлом было немало глупостей и несуразностей. Но сегодня, когда у всех нас столько проблем, проходит спесь и ощущение того, что кто-то там старший брат. В России полным-полно своих проблем - и Чечня, и Дальний Восток, и с Китаем надо как бы

дружить и ухо остро держать. Так что, повторяюсь, сосед есть сосед, плохой он или нет, любимый или не любимый, с ним надо стараться не ссориться, не касаться каких-то больных точек. Ну, не нравится мне, к примеру, чей-то нос, глаза или лысина - ну, другой-то внешности все равно не будет. А когда хорошие отношения, тут можно и на что-то закрыть глаза, и простить, и в чем-то помочь. Я в этом просто убежден.

- Кстати, когда Вы приезжаете в Грузию, какие впечатления? Ощущаете, что это чужая для Вас страна? Принципиально изменилось что-то для Вас?

- Чужая? Нет, никогда. Да простят меня власти, я чувствую себя как дома среди близких и родных мне людей.

- Скажите, а есть какие-нибудь пристрастия, связанные с Грузией - кухня, песни, кино?

- О, это можно только загнать пальцы, загнать,



«Венецианский купец», Шейлок

загибать. Вы, наверное, знаете, что в Москве грузинская кухня очень популярна...

- А Вам не говорили, что Вы похожи на грузина?

- Говорили. Много чего говорили. Особенно за границей. Про меня говорят - он или итальянец-мафиози или грузин. Особенно, когда у меня были еще усы.

- Большое Вам спасибо за интервью, всех благ и успехов!

- Спасибо и вам. Я хотел бы обратиться ко всем в Грузии. Счастья, здоровья, солнца всем, всегда обильного стола! Я верю, что никто и никогда не сможет нас объединить.

Никогда!

Беседу вели
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ, ЗУРАБ ДВАЛИ

БАТУМ, ИЛИ ТРИ ПОПЫТКИ ПОБЕДИТЬ СУДЬБУ

Михаил
Булгаков
в Грузии



Михаил Булгаков

“На обточенных соленой водой голышах лежу как мертвый. От голода ослабел совсем. С утра начинает, до поздней ночи болит голова. И вот ночь – на море. Я не вижу его, только слышу, как оно гудит. Прихлынет и отхлынет. И шипит опоздавшая волна. И вдруг из-за темного мыса – трехъярусные огни. “Полацкий” идет на Золотой Рог...Слезы такие же соленые, как морская вода”... Это – Батуми 1921 года. Это – Михаил Булгаков, впервые попавший на грузинскую землю. И пароход, уходящий к желанной цели – к Константинополю. Именно ради

этой цели – попытаться вырваться из Советской России – Булгаков и приехал в Грузию.

То было очень нелегкое для него время, пожалуй, первая из тех темных полос жизни, которых потом становилось все больше и больше. Началась эта полоса у границ Грузии, во Владикавказе, куда военный врач Булгаков попал вместе с деникинской Добровольческой армией. Нет, он не был ярым борцом с красными. “В 1919 году, проживая в городе Киеве, последовательно призывался на службу в качестве врача всеми властями,

занимавшими город”. А первая жена писателя Татьяна Лаппа вспоминала, что “добровольцем он совсем не собирался идти никуда”. В общем, от петлюровцев Михаил Афанасьевич смог сбежать, от призыва в Красную Армию сумел увернуться, но белогвардейскую форму все-таки надел. И это можно объяснить. Несмотря на то, что он ненавидел вообще всю братоубийственную гражданскую войну, с белыми его, несомненно, связывало большее, чем с красными. “Довоенное время” - с большой счастливой семьей, уютным домом, светом, теплом и ясностью - навсегда осталось для него идеалом. А расстрел царской семьи и впечатления от революционных событий, свидетелем которых он был на Смоленщине и в Вязме, привели его в ужас. Так что, от денкинецев, призвавших его в свои ряды, он бежать не пытался, и вместе с ними очутился во Владикавказе. Почему мы остановились на этих событиях? Да потому, что они объясняют тот настрой, который влек его в Грузию, где приморский Батуми был последней надеждой уплыть за границу. Объясняет этот настрой и все, происходившее с Михаилом Афанасьевичем во Владикавказе. Поэтому еще чуть-чуть задержимся в этом городе, чтобы вспомнить, что же заставило писателя возненавидеть его и именно в нем создать вождельные образы Тбилиси и Батуми как символы спасения?

Итак, Булгаков - начальник санитарного околотка 3-го Терского казачьего полка, участвует в сражениях белой армии на Кавказе, а с осени 1919 года работает корреспондентом в местных газетах. “Я печатаюсь” - первое, что говорит он жене Татьяне, приехавшей к нему во Владикавказ из Киева. Мысль о литературном призвании появилась еще в белогвардейском эшелоне - там, у вставленной в бутылку свечи, он написал свой первый рассказ, увы, не дошедший до нас. Ну, а в феврале 1920-го Булгаков тяжело заболевает тифом. И именно в это время белые оставляют город. Татьяна Лаппа вспоминает: “Приходил очень хороший местный врач, потом главный врач. Он сказал, что у Михаила возвратный тиф: “Если будем отступать, ему нельзя ехать”... Во время болезни у него были дикие боли, беспмятство... Потом он часто упрекал меня: “Ты - слабая женщина, не смогла меня вывезти!” Но когда мне два врача говорят, что на первой же остановке он умрет, - как же я могла везти?”. А больной Булгаков боялся одного: “Меня бросят! Бросят!” Именно это и вырывается у героя его автобиографических “Записок на манжетах”. Что ж, его действительно бросили - выздоровев, он увидел, что все его сослуживцы - и по госпиталю, и по газетам, ушли с белыми. Надо было начинать новую жизнь - жизнь под новой властью. Надо было работать, чтобы иметь кусок хлеба.

Сначала такой поворот судьбы он воспринял как неизбежное. И заведовал литературной, а затем - театральной частью подотдела искусств отдела народного образования Терского ревкома. Потом оказалось, что эта работа в чем-то даже ему по нутру - он организовывал литературные вечера, концерты, спектакли, диспуты, стал деканом театрального факультета вновь открывшегося Горского народного художественного института. Жена его помогала как могла - работала секретаршей в уголовном розыске, статисткой во владикавказском театре. Но,

все равно, жилось очень трудно. “Не могу выразить, как иногда мучительно мне приходится, - пишет он сестре Варе в апреле 21-го. - Творчество мое резко разделяется на две части: подлинное и вымученное”. Позже он называл пьесы, написанные для местных театров, “рванью”. Но ведь была среди них одна с названием, так много говорящим нам сегодня - “Братья Турбины”. Конечно, она очень далека от той, что прославил впоследствии Булгаков, но свидетельствует, что он не просто занимался поденщиной, чтобы прокормиться, а пытался художественно переосмыслить происшедшее с его классом, со страной. Из всех вещей, написанных во Владикавказе, наибольший триумф ждал “революционную пьесу” “Сыновья муллы”, созданную вместе с местным юристом Туаджином Пейзулаевым, которого Булгаков в “Богеме” называет присяжным поверенным Гейзулаевым. Впрочем, он упоминает и третьего соавтора - “голодуху”. Колоритный же Пейзулаев настолько врезался ему в память, что в ранних вариантах “Мастера и Маргариты” директора Театра Варьете звали Гарася Педулаев, и свита Воланда забрасывала его не в Ялту, а, конечно, во Владикавказ. О самой же “революционной пьесе” Булгаков открывничает: “Мы ее написали за семь с половиной дней, потратив, таким образом, на полтора дня больше, чем на сотворение мира. Несмотря на это, она вышла еще хуже, чем мир”. Вслед за этим самокритичным отрывком из “Богемы”, откроем “Записки на манжетах”:

“В Туземном подотделе пьеса произвела фурор. Ее немедленно купили за 200 тысяч. И через две недели она шла.

В тумане тысячного дыхания сверкали кинжалы, газыри и глаза. Чеченцы, кабардинцы, ингуши, после того, как в третьем акте геройские наездники ворвались и схватили пристава и стражников. кричали:

- Ва! Подлец! Так ему и надо!

И вслед за подотдельскими барышнями вызывали: “автора”!

За кулисами пожимали руки.

- Пирикрасная пьеса!

И приглашали в аул...

...Бежать! Бежать! На 100 тысяч можно выехать отсюда. Вперед. К морю...”

А бежать действительно было необходимо. Во Владикавказе объявили военное положение, начались репрессии. Булгакова уволили из подотдела, в любой момент могли припомнить “белое прошлое” или приписать к какому-нибудь “заговору”. Слово Татьяне Лаппа: “В общем, если бы мы там еще оставались, нас бы уже не было. Ни меня, ни его. Нас бы расстреляли... Тут и начальника милиции арестовали, где я раньше работала. Он тоже контрреволюционером оказался. Ну, и надо было сматываться”. Предчувствие не обмануло Татьяну Николаевну. Примечательна пометка рядом с фамилией Булгакова, сделанная осенью того года на обложке разгромного “Доклада комиссии по обследованию деятельности подотдела искусств»: Изгнаны: 1. Гатуев, 2. Слезкин, 3. Булгаков (бел.), 4. Зильберминц”. Эта приставка (бел.) могла стать роковой, задержись они еще на несколько месяцев в красном Владикавказе. “Смотаться” помогли деньги, полученные от тех самых “Сыновей муллы”, что так понравились “туземцам”. Первым 26 мая уехал

Михаил Афанасьевич. Ну, а куда “сматываться” из “Владикавказ – паршивого города”, сомнений не было. Направление указывает один из подзаголовков первой главы “Богемы”: “Верхом на пьесе в Тифлис”.

“ И море непрерывно поет ...”

“Почему же? Почему именно в Тифлис?... говорили, что:

- 1) В Тифлисе открыты все магазины.
- 2) -> есть вино.
- 3) -> очень жарко и дешево фрукты.
- 4) -> много газет и т.д. и т.д.

Я решил ехать. И прежде всего уложился. Взял свое имущество, одеяло, немного белья, керосинку”.

Великий мистификатор Михаил Афанасьевич лукавит в этих строках своей “Богемы”. “Дорогая Надя, - писал он сестре в мае 20-го, - сегодня я уезжаю в Тифлис-Батум. Тася пока остается во Владикавказе. Выезжаю спешно, пишу коротко”. Так что, Тбилиси нужен, в основном, чтобы добраться оттуда до Батуми. А там – рукой подать до Константинополя. Впрочем, не терял он надежды и поставить в Тифлисе “революционную пьесу” “Сыновья муллы”, которая так хорошо шла во Владикавказе. Ну, а Владикавказ без приключений не отпускал. И окончиться эти приключения могли весьма печально. “Бравый юноша с пистолетом на бедре”, стоявший у стола, где выдавались ордера на проезд

в Тифлис, отправил Булгакова в особый отдел. Там человек, который “хотел превратить свое лицо из симпатичного в неприветливое и несимпатичное”, долго сверял лицо задержанного с какой-то фотографией и выпытывал о цели поездки в Тифлис. Спросил, хороша ли “революционная пьеса”, для постановки которой Булгаков официально ехал в Грузию.



Т. Лаппа

“Если бы я хотел остаться чистым перед особым отделом, я должен был бы ответить так:

- Нет. Очень не хорошая пьеса. Она – дрянь. Просто мне очень хочется в Тифлис”.

Я смотрел на носки своих разорванных сапог и молчал”.

Слава Богу, все обошлось. И Михаил Афанасьевич через Баку, в теплушке, доехал до Тифлиса. Того самого, о котором столько наслушался еще во Владикавказе:

“Вчера приехал Рюрик Ивнев. Из Тифлиса в Москву. - В Москве лучше.

Доездили до того, что однажды лег у канавы:

- Не встану! Должно же произойти что-нибудь!

Произошло: случайно знакомый подошел к канаве - и обедом накормил.

Другой поэт. Из Москвы в Тифлис.

- В Тифлисе лучше”.

Увы, сегодня мы не можем сказать, насколько лучше



М. Булгаков, 1926 г.

было Булгакову в Тифлисе, чем во Владикавказе. Если вообще было лучше. В его “Богеме” и “Записках на манжетах” многоточиями заменено очень многое. Известно лишь, что попытки Михаила Афанасьевича поставить свои пьесы на тифлисской сцене окончились неудачей. Предпринимать их он мог в нескольких русских театрах города – Академическом, «ПОАРМ XI», «Сатирагит», Камерном. Где именно, сегодня уже не определить. А в архивах сохранилось только одно письмо из Тифлиса – все той же сестре Наде, датированное 2 июня 1921 года. Послано оно из номеров “Пале-Рояль” на Дворцовой улице, 6. (К сведению литературных следопытов: сейчас на месте этой гостиницы – универмаг “Тбилиси”.) “Дорогие Костя и Надя, - пишет Булгаков, - вызываю к себе Тасю из Влад. и с ней уезжаю в Батум, как только она приедет и как только будет возможность. Может быть, окажусь в Крыму...” “Турбиных” переделываю в большую драму... Целую всех. Не удивляйтесь моим скитаниям, ничего не сделаешь. Никак нельзя иначе. Ну и судьба! Ну и судьба!” И все же, попытаемся на основе этих нескольких строчек произвести собственную “реконструкцию” того, что происходило с Булгаковым в первый его приезд в Тбилиси. Самое главное: он работает над тем, что через три года воплотилось в первый вариант романа “Белая гвардия”, а затем – в пьесу “Дни Турбиных”. Вто-

рое: деньги пока есть – живет в номерах. Но “появление возможности” может быть связано именно с деньгами. Ведь в Батуми Михаил Афанасьевич уже нищенствовал в полном смысле этого слова. И третье: появилась мысль о том, что, вместо Константинополя, он может оказаться в Крыму. Но, по-прежнему, будущее совершенно неопределенно. Хорошо уже хоть то, что никаких осложнений “по политической линии” в Тифлисе не произошло. Из “Богемы”: “Как перед истинным богом, скажу, если кто меня спросит, чего я заслуживаю: заслуживаю я каторжных работ. Впрочем, это я не за Тифлис, в Тифлисе я ничего плохого не сделал. Это за Владикавказ”.

И вот – Батуми. Такой желанный и удивляющий на фоне все не отпускающих воспоминаний о Владикавказе: “...Цихидзири, Махинджаури, Зеленый Мыс! Магнолии

цветут. Белые цветы величиной с тарелку. Бананы. Пальмы! Клянусь, я сам видел: пальма из земли растет. И море непрерывно поет у гранитной глыбы. Не лгали в книгах: солнце в море погружается. Краса морская. Высота поднебесная. Скала отвесная, а на ней ползучие растения. Чаква. Цихидзири. Зеленый Мыс.” Но, несмотря на всю эту красоту, не оставляют сомнения: “Куда я еду? Куда? На мне последняя моя рубашка. На манжетах кривые буквы. А в сердце иероглифы тяжкие. И лишь один из таинственных знаков я



М. Смирнова

расшифровал. Он значит: горе мне! Кто растолкует мне остальное?!” Дальше – хуже. Деньги кончились. На базаре продана последняя ценность – обручальные кольца. Жену приходится отправлять в Москву: “Нечего тут сидеть. Где бы я ни оказался, я тебя вызову, как всегда вызывал...” Татьяна уехала и, как потом признавалась, была уверена, что расстаются они навсегда, что он уплывет-таки за границу. А он действительно несколько раз разговаривал с владельцами маленьких суденышек, вел тайные переговоры с капитанами о том, чтобы спрятаться в корабельном трюме. И не прекращал попыток найти хоть какой-нибудь литературный заработок, когда понял, что поставить свои пьесы не удастся и здесь. Попытался сотрудничать с телеграфным агентством РОСТА, прибиться к театральному миру. Но...

“Чаша переполнилась. В двенадцать часов приехал “новый заведующий”.

Он вошел и заявил:

– По иному пути пойдём! Не надо нам больше этой порнографии: “Горе от ума” и “Ревизора”. Гоголи. Моголи. Свои пьесы сочиним!

Затем сел в автомобиль и уехал.

Его лицо навеки отпечаталось у меня в мозгу”.

И Булгаков нищенствует. Человек с обостренным восприятием мира, с болезненным чувством собственного достоинства видел себя как в зеркале в таких же интеллигентах, которых подкосило крушение старого, привычного мира:

“Видел поэта из неизвестных. Он ходил по Нури-Базару и продавал шляпу с головы. Кацо смеялись над ним.

Он стыдливо улыбался и объяснял, что не шутит. Шляпу продает потому, что деньги у него украли. Он лгал! У него давно уже не было денег. И он три дня не ел... Потом, когда мы пополам съели фунт чурека, он признался. Рассказал, что из Пензы едет в Ялту. Я чуть не засмеялся. Но вдруг вспомнил: а я?” Действительно, и его положение было не лучше: “Через час я продал шинель не базаре. Вечером идет пароход...”

И именно в те ужасные дни июля-августа 21-го года Булгаков встречает... Маргариту. “Стоп, – скажет читатель, даже не очень искушенный. – Какую такую Маргариту? Ведь всем известно, что прообраз героини великой книги – третья жена писателя Елена Шиловская!”. Что ж, основные черты Маргариты Николаевны и впрямь взяты у Елены Сергеевны. Есть в них немало и от двух других жен Михаила Афанасьевича, а еще с десятков дам считали себя и музами писателя, и прототипами Маргариты. Но в Батуми навстречу голодному, оборванному Булгакову действительно шла женщина, которую звали Маргарита Петровна Архангельская. По мужу – Смирнова. Легкое, светлое виденье в белом платье-тоге. Рядом – двое шикарных военных. И вся она – воплощение иной жизни – радостной, спокойной, в чем-то схожей с потерянными навсегда “довоенным” миром. Гордая и прекрасная, прошла она мимо, не заметив его. И тут вспомним, что Мастер встретил вполне благополучную Маргариту, будучи именно в таком же состоянии, как Булгаков в Батуми. И точно также сознавал неравенство своего социального положения. А вот когда писатель повстречал Елену Сергеевну, он был уже известен публике и чувствовал себя совсем по-иному. Так не батумская ли встреча более близка к той, что в романе?

Еще раз Михаил Афанасьевич и Маргарита Петровна встретились через 10 лет, в Москве. И снова – реминисценции из “Мастера и Маргариты”. Женщина, столь поразившая в Батуми воображение писателя, шла с желтыми весенними цветами. Она была в черном осеннем пальто, перчатках с раструбами и туфлях с замшевыми накладными бантами. Они быстро взглянули друг на друга и разошлись, но он вернулся и пошел за ней. “Это невозможно, так я вас опять могу потерять!” – вырвалось у него. Они гуляли целый день, разговаривали о литературе и никак не могли расстаться. И на ее сумочке была желтая буква “М”, вышитая ею самой, у нее были муж, которого она не любила, и красавица-домработница. А потом она назвала его...мастером. “Зашел разговор о море, о Кавказе. Я рассказала, что была во многих городах юга. (Муж был комиссаром-инспектором железных дорог РСФСР, и



Л. Белозерская



Тифлис. Дворцовая улица

сразу после женитьбы, в мае 1921 года, муж взял меня в инспекционную поездку на три месяца по Кавказу и Закавказью), - вспоминает Маргарита Петровна. И тут Булгаков признался, что видел ее в Батуми. Она в ответ: "Ну, хватит болтать. Уж и мастер очки втирать!

- Как, как? Мастер?

- Ну да, мастерски умеете зубы заговаривать!.."

И еще: "Я помню, какими сияющими глазами смотрел на меня Михаил Афанасьевич, когда я говорила о теплом ветре там, на набережной...И вдруг, читая роман "Мастер и Маргарита", нахожу свои слова: "Она отдала лицо ветру". Как он все помнил!" Впоследствии выяснились еще и другие связывавшие их обстоятельства, о которых Булгаков, считавший себя мистическим писателем, увы, так и не узнал. Оказалось, что старшая сестра Маргариты - Мария работала вместе с ним в "Гудке", а другая ее родственница - Вера Соколова была первой исполнительницей роли Елены в "Днях Турбиных". Они встретились еще пару раз, но Маргарита настояла, чтобы встреч больше не было - она не хотела "ставить на карту не только свое благополучие, но и покой мужа и детей".

Спору нет, всего этого ничтожно мало, чтобы даже высказать предположение, что эта Маргарита - та самая, из романа. В той действительно воплотились многие женщины и, в основном, Елена Шилова. Но нельзя отрицать, что батумское прекрасное видение в белой тоге, ставшее через годы явью в образе москвички с желтыми цветами, оказало огромное влияние на Михаила Афанасьевича. И не только в каких-то деталях, перешедших

в главное произведение его жизни. Батумская встреча могла стать еще одним поводом не покидать Россию. А главным было то, что в Батуми Булгаков не только окончательно осознал, что его призвание - литература, но и понял, что он не в силах стать эмигрантом. Несмотря на все испытания, которые принесет Россия, уже ставшая иной. Да и вряд ли он выдержал бы ту нелегкую долю, которой потом наделил героев своей пьесы "Бег". Невозможно представить его в трущобах Константинополя или в "лимонных подштанниках" генерала Чарноты на парижской набережной. "По общему мнению всех, кто серьезно интересовался моей работой, я невозможен ни на какой другой земле, кроме своей..." Это - уже из письма Сталину 1931-года.

Словом, после мучительных раздумий, именно в Батуми, в Грузии, в сентябре 1921 года был сделан выбор, определивший всю его дальнейшую жизнь. "Довольно! Пусть светит Золотой Рог. Я не доберусь до него. Запас сил имеет предел. Их больше нет... Но я здесь больше не останусь. Раз так... Значит... значит..." Этой недоговоренностью XIV главка "Записок на манжетах" обрывается. Но следующая главка дополняет ее своим коротким названием "Домой" и несколькими фразами, которыми исчерпывается все ее содержание: "Домой. По морю. Потом в теплушке. Не хватит денег - пешком. По домой. Жизнь погублена. Домой!...Прощай, Цихидзири. Прощай Махинджаури. Зеленый Мыс!"

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

Окончание следует



БЫТЬ ГЕНИЕМ «ЯСНО И ЛЕГКО»

примеряет на себя роль, но это все-таки не объясняет технологию роли.

Когда его персонажу в моем спектакле становилось плохо, мне казалось, что ему, Рамазу, на самом деле становилось плохо. Однажды после спектакля я забежал к нему в комнату и спросил искренно, взволнованно:

- Вам что действительно стало плохо? У вас губы побелели на сцене.

- Ты чего? Когда? - наивно, лукаво улыбнулся Рамаз. Было и такое.

Помню первое потрясение от увиденного. Мне было тогда девятнадцать лет, я сидел в зале самого прекрасного театра и смотрел, как репетирует Стуруа. На сцене вместе с другими артистами стоял Чхиквадзе, а потрясение было оттого что Стуруа и Чхиквадзе почти не разговаривали. Да, да, Стуруа практически не разговаривал с ним. Другим объяснял, поднимался на сцену и показывал, играл за них, правда, смешно и утрированно, но зато точно. А Рамазу ни слова, как-будто Рамаз был дублером того актера, который не пришел на репетицию, и ему, Стуруа, лень что-либо объяснять дублеру. Удивительно было и то, что и Чхиквадзе не спрашивал ни о чем. Он спокойно стоял на сцене и наблюдал, как Стуруа работает, объясняет другим и дожидался своего эпизода. Я просидел на всех репетициях, от первой до последней, и на всех происходило то же самое. Стуруа говорил ему: «Переходи туда, развернись и скажи текст» и все, а другим – про задачи, про зерно образа, про биографию персонажа, про шлейф роли и т.д.

Чхиквадзе и Стуруа понимали друг друга без слов. Потрясение было такое, будто я попал на телепатический сеанс.

Помню, в Киеве на гастролях за десять дней должны были сыграть двенадцать раз «Ричарда III». После первого спектакля я заглянул в комнату Рамаза и увидел, что он усталый лежит на диване, в поту, тяжело дышит. «Как же он сыграет за девять дней одиннадцать раз Ричарда, если он так устал на первом же спектакле?» - спросил у Стуруа. «А ты завтра посмотри на него». Назавтра, после окончания спектакля Рамаз через пять минут, весело напевая регтайм Канчели вышел из театра. И так все одиннадцать спектаклей. Спустя годы я напомнил ему эту историю и попросил объяснить, почему

Как он делает свои роли? Это главный вопрос, который возникает у меня в связи с творчеством Рамаза Чхиквадзе. Как?

Я знаю, как делаются роли у хороших, но заурядных артистов, стоит посмотреть две-три минуты и технология роли налицо. Но как делают роли великие актеры, не знаю. Рамаз Чхиквадзе из этой когорты великих. Работая с ним, я наблюдал, изучал, но все равно не понял, как он делает свои образы. Как заставляет огромные залы сопереживать его персонажам. В принципе он сыграл очень мало ролей. Мастера такого ранга играли гораздо больше, и это одно из его замечательных качеств. Он всегда осторожно подходит к работе, всегда выбирает и долго

он так устал тогда после первого спектакля и почему же он не уставал на следующих спектаклях. «Это был чужой зритель, – ответил он, – на первом спектакле я выяснял, где, на что и как реагируют, поэтому потратился и устал, а на следующих спектаклях все было ясно и легко». Каково? Станиславский не смог бы так описать технику актера. Я хотел бы посмотреть, как другой артист смог бы вот так «ясно и легко».

- Как бы ни менялось время и какие бы сумасшедшие политики ни приходили к власти, как бы ни пытались закрывать театры, не финансировать культуру, мы же знаем – театр вечен. Он двадцать шесть веков продержался, так что продержится еще столько же, но вот лет через сто, когда нас уже точно не будет, когда все наши волнения, беды и радости, страсти и страстишки, спектакли и роли забудутся или в лучшем случае станут историческими байками для студентов театральных вузов, что останется от нашего времени, кто уцелеет из нас, работающих сегодня? Что останется от нас потомкам? Вопрос риторический, не потому, что не требует ответа, а потому, что ответа на него, увы, в данное время не существует. Немного грустно...

- Ты не волнуйся, ты останешься в истории грузинского театра, – прерывает мой философский бред язвительной иронией Рамаз.

- Каким образом? Я еще ничего не сделал для истории, – парирую, зная заранее, что он выдаст сейчас что-то смешное.

- Сделал, еще как сделал, – патетически, в манере древнегреческих актеров произнес Рамаз, – ты поставил последний спектакль самого Рамаза Чхиквадзе.

- Что за глупости? Вы еще во многих спектаклях сыграете, миллион новых ролей ждут вас, режиссеры мечтают с вами работать...

- Я больше в театре не сыграю ничего нового, – сказал он вдруг как отрезал и загрустил.

Мы сидели на кухне большого особняка в итальянском городе Галарате, на второй день после премьеры спектакля «Пляска смерти». В бокалах любимое Рамаза красное вино. Было тепло и хорошо. Из комнаты слышался смешной храп Кахи Кавсадзе. Я не особенно обратил внимание на его слова, но сейчас, в 2006 году, сказанные Рамазом в Италии осенью 1993 года слова, звучат пророчески. Он с тех пор не сыграл ни одной новой роли в театре. В кино играл и продолжает играть. Снялся у меня в телевизионном фильме «Что с того, что мокрая, мокрая сирень». Но в театре так и не сыграл. Сказал ведь тогда: «Я больше в театре не сыграю ничего нового», сказал и, к сожалению, держит до сих пор слово. Уже тогда знал, что не будет больше играть, а он один из последовательных людей, верных себе и тому Грузинскому театру, которому он посвятил всю жизнь.

Почему он не играет? Этот вопрос актуален. Он сам отвечает, что устал, энергии нет и не хочет больше играть – лукавство все это актерское. У кого нет энергии? У Рамаза Чхиквадзе? В это может поверить только тот, кто не знает его. Да он двадцатилетним даст фору, энергии у него хоть отбавляй. Ищут виновных, ведь должен быть кто-то, из-за кого он покинул свой

родной театр. Кто-то винит в этом Роберта Стуруа, а кто-то вам скажет, что Наташа виновата – чушь. Больше всех именно они и хотели, чтобы Рамаз все время играл. Да если бы не Наташа, я не уверен, что он сыграл бы те роли, которые принесли ему славу. Так в чем же



причина? Почему гениальный актер, в расцвете сил, в пике своей славы ушел из родного театра, оставив всего лишь одну роль, впервые сыгранную тридцать лет тому назад...

Дерзну и попробую сказать за него, ведь сам он этого не скажет никогда – не интересно стало ему в своем театре, не интересно. Нельзя понять? Можно! Просто надо хорошо осознать, что значит быть сорок лет лидером всего грузинского театра. Сорок лет быть первым и только первым! Ему стало не интересно в своем театре и ушел не только из театра Руставели, он ушел из грузинского театра, из театра вообще, и в этом весь Чхиквадзе. Порядочный, принципиальный и, что архиважно, этим поступком доказал свою преданность театру Руставели, преданность и только преданность. Кто-нибудь может представить Рамаза Чхиквадзе на другой сцене? Невозможно, да и сам он этого не мог представить. Остаться в театре, где ему стало не интересно и скучно? Он не был бы Рамазом. Он ведь ни-



когда не хотел просто играть. Для него выход на сцену – акт самосожжения, а не утоление прихоти.

Помню, в Москве он сыграл Аздака, это был юбилейный спектакль, пятисотый или даже шестисотый. Я жил с ним в одном номере. Ночью просыпаюсь от какого-то шороха, встаю, заглядываю в его комнату и глазам своим не верю: Рамаз Чхиквадзе, великий Рамаз Чхиквадзе стоит на коленях и молится. Он благодарил бога за то, что он помог ему и сегодня хорошо сыграть роль. Роль, которую он играл пятисотый или даже шестисотый раз.

- Что за дурацкая у нас профессия, - пожаловался он как-то, - который раз выхожу на сцену играть Аздака, а руки все трясутся.

- Странно, - ответил ему коллега, - а вот у меня не трясутся.

Сначала он очень скучал, от скуки начал рисовать, но в театр все равно не вернулся. Театр его звал. Должен отдать должное, Стуруа просил его вернуться, предлагал ему роли, а он – нет и все – не интересно ему было, трудно, когда заранее знаешь, что от тебя требуют – не интересно. При всей моей амбициозности, я уже тогда прекрасно осознавал, что да, он поддерживает молодого режиссера, отказав Стуруа и сыграв в моем спектакле. Он хотел доказать всем и, в первую очередь, себе, что он есть, что он жив, что он такой же, да и все мы были руставелевцами, и он не воспринимал нас, как другой театр, для него это был спектакль театра Руставели в другом пространстве.

Тандем Чхиквадзе – Стуруа сотворил революцию в грузинском театре, это не просто красивые слова, это уже хрестоматия. Они вывели грузинский театр на мировой уровень. Они и только они заставили содрогнуться театральный мир и признать феномен грузинского театра и если сейчас на любом театральном фестивале, даже любительский грузинский театральный коллектив встречают с особенным интересом, в этом, в первую очередь, заслуга тандема Чхиквадзе – Стуруа. Потом настал печальный период, когда каждый из них старался доказать, что они могут свободно существовать и творить друг без друга, и доказали это, сыграв и поставив спектакли, но в то же время доказали и другое – шедевры они могли делать только сообща.

Из Италии мы ехали на автобусе в Прагу. Ночь, неожиданно обнаружили, что шофер едет не по той дороге и вскоре подъедет к границе Германии. А у нас нет транзитных виз. Водитель попросил нас притвориться спящими. Обычно итальянских пассажиров немецкие пограничники не проверяют. «Сидите тихо, я скажу, что везу итальянцев и проскочим», - посоветовал водитель. Подъехали к границе, водитель еще раз попросил нас притвориться спящими и вышел. Мы сидели тихо и наблюдали, как водитель что-то объясняет пограничникам. И вдруг, когда напряжение достигло предела, Рамаз открыл окно, высунул голову и во весь голос запел на итальянском «O sole mio». Его вечный партнер Хахи Кавсадзе поддержал. Граница замерла, все смотрели на наш автобус. Они пели гениально, пели лучше, чем Паваротти и Доминго. Когда песня стихла, вся граница начала скандировать «Браво». Никто не сомневался, что мы итальянцы. Автобус тронулся, пограничники провожали нас аплодисментами.

Батоно Рамаз, я верю, что настанет день и вы так же, как тогда на границе неожиданно, когда этого никто не будет ожидать, встанете и сыграете на сцене так же гениально, как вы обычно это делаете - «ясно и легко». И я обещаю, что буду кричать, не шадя свои голосовые связки, «браво!»

АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ



 ბანკი ქართვ
CARTU BANK



ПОЭЗИЯ КРАСОК

«Мы тут как в храме. Признано, что здесь уникальная аура...»

Этими словами встретила меня Тамила Тевдорадзе, заведующая мемориального дома-музея народного художника Грузии Елены Ахвледзиани.

- Чем могу помочь? - спросила она.

Мне снова, как в период работы над телевизионной передачей о Елене Ахвледзиани, захотелось окунуться в удивительный мир ее творчества.

Книги отзывов хотелось бы пересмотреть, помню их было несколько. И я открыла одну из них.

«Мы здесь впервые. Днями бродили по городу. Пытались проникнуться духом Грузии. Это трудно. Попав в этот дом-музей, нашли все, что искали, выраженное с ошеломляющей ясностью и красотой. Нет слов передать

чувство, которое испытываешь, проходя по старому Тбилиси вместе с Еленой Ахвледзиани, этой волшебницей кисти, запечатлевшей неповторимый колорит города, нетленный дух старины. Дома с нахлобученными крышами, резными деревянными балконами, узкими извивающимися улочками. Картины точно образуют изящный прихотливый узор. Вот она - древняя и вечно юная загадочная Грузия».

«Погружаясь в эти картины и зарисовки, словно попадаешь в край, воспетый Гришашвили, Лермонтовым, Пастернаком. Это подлинный очаг культуры. Он дарит тепло, а главное, объединяет сердца людей».

«Внимание привлекает серия картин, посвященная бессмертному творению грузинской архитектуры - храму Джвари. Художница стремится проникнуть в глубину



Фото А. Спалков

тайн былого, рассказать о гордом характере ее родины. И художественно и эстетически волшебное полотно Елены Ахвледиани перекликается с поэмой Лермонтова «Мцыри»...

Я знала о жизни и творчестве художницы по рассказам ее племянницы, Елены Александровны Ахвледиани. Работая здесь, она оберегала все это бесценное богатство с особой любовью.

Я приносила ей желтые розы. Эти цветы они обе любили. Елена Александровна была моим гидом, и я слушала ее часами.

«О доброте Элички ходили легенды, - рассказывала Елена Александровна, - Однажды, помню, она встретила в салоне молодую чету, явно, это были приезжие. Они надолго остановились у одной картины,

чувствовалось, им она очень понравилась, но купить ее, видимо, не хватало денег. Эличка заметила их замешательство. Не задумываясь, она подошла к молодым и сказала улыбаясь: «Нравится! Берите, я дарю ее вам!»

Эличка! Ее называли по имени, как кумиров - Галактион, Верико, Ната. С теплотой и бережливостью...

Она родилась в Телави. Кто знает, где и когда пробуждается в человеке страсть художника. Но для нее уже с юношеских лет было наслаждением постигать гармонию природных красок, отражать в своих рисунках красоту мимолетных мгновений. Земля Грузии с материнской щедростью была источником ее вдохновения.

На ее ранние работы обратил внимание художник Склиросовский. Успешно проходила учеба в Тбилисской



Академии художеств. Затем Елена Ахвеледзиани едет в Италию и Францию совершенствовать свое мастерство. Блистательный, манящий, требовательный Париж. Отсюда потрясали мир идеи Пикассо, Матисса, Модильяни. Для Ахвеледзиани это было наваждением различных школ и направлений, вскруживших голову не одному претенденту на монпарнасские высоты.

Вот как описывает молодая художница тот период: «В бытность мою в Париже находились Давид Какабадзе, Ладо Гудиашвили, Кетеван Магалашвили. По воскресеньям мы собирались у Датико. В остальные дни виделись редко. Все напряженно работали».

Даже во Франции молодая художница пишет грузинские пейзажи и выставляет их в различных салонах Парижа. Ее картины пользовались успехом, о ней писали известные критики. Это был 1924 год. На одной из выставок «Осенних салонов Парижа» Пабло Пикассо обратил внимание на ее парижскую работу «Зима в Кахетии» и

изъявил желание познакомиться с автором. «Вы пишете интересно, но самое ценное, что есть в ваших картинах, это не то, где вы идете вслед за модными течениями, а то, что исходит от вас самих», - сказал он.

В знак признания Пикассо подарил ей свою работу с дарственной надписью и автографом.

Когда по возвращении на родину художницу спросили, хотела бы она вновь вернуться во Францию, она ответила: «Париж чудесен, но для меня прекрасен Тифлис».

Елена Ахвеледзиани была не только певцом своего города, но и его защитником.

Многие старинные дома обязаны ей жизнью. Она вела борьбу за сохранение исторического облика города, сумела сохранить древнейший платан, помнящий еще Пушкина...

Творчество ее было многогранным.

Целая веха - содружество Елены Ахвеледзиани с Котэ Марджанишвили. Это он угадал в ней блистательного сценографа и привел в театр.



В 1931 году состоялся ее первый дебют. Оформленный Еленой Ахвледзиани спектакль по пьесе К. Каладзе «Дом на берегу Куры» в постановке К. Марджанишвили был высоко оценен прессой и театральной общественностью. За ним следуют «Три толстяка» Ю. Олеси, «Кваркваре Тутабери» П. Какабадзе, «Отелло» В. Шекспира, «Страх» А. Афиногенова...

В 1958 году Елена Ахвледзиани была приглашена в Киевский театр оперы и балета имени Т. Шевченко, где оформила «Бал-маскарад» Дж. Верди, в киевском театре русской драмы им. Л. Украинки – «Дни Турбиных» М. Булгакова, в московском театре им. М. Ермоловой – «Мольбу о жизни» Ж. Деваля...

В ней сочеталось знание сценического пространства с драматургической канвой произведения, его эпохи и стиля.

Много лет отдала Елена Ахвледзиани работе в области книжной графики.

Оно оформляла книгу как единый целостный организм, тонко чувствовала характер литературного произведения и действующих лиц. Ее рисунки всегда срастались с текстом и становились спутниками иллюстрированных ею произведений.

Среди лучших – иллюстрации к грузинским народным сказкам, произведениям Марка Твена.

Искрой большого таланта отмечены все грани ее творчества, но главное это живописная летопись с его поэтическим романтизмом, в его камерном, утонченном аспекте.

После смерти Елены Ахвледзиани все наследие художницы передано в дар государству. Здесь, в доме, все осталось так, как было при ее жизни. Одна из комнат служила мастерской. Запачканные краской фартуки возле мольберта с незаконченной картиной. Очки, кажется, забытые на столе рядом с эскизом. Кисти с карандашами, краски на палитре, которым так и не суждено было быть перенесенными на холст.

Неизменным осталось и оформление столовой. Гирлянды красного перца, сухие фрукты, предметы крестьянского быта из старинной грузинской керамики.

Все отмечено тонким вкусом, изяществом и простотой. Елена Дмитриевна была неординарной личностью, тонко чувствовала красоту жизни.

Из письма Е. Ахвледзиани литературоведу Е. Тагер: «Живу в «Астории», нахожусь как в дурмане. С утра смотрю на город, одно очарование, потом Эрмитаж – пока не укажут на дверь, потом опять город. Смотрю при вечернем свете на мои любимые фонари. Сколько чарующей музыки в линиях, колорите, ансамблях, что горло схватывает спазмы восторга и даже слезы не можешь сдержать».

1946 г. Ленинград

Ее ум, доброта, юмор, обаяние привлекали людей самых разных профессий. У нее собирались известные поэты, музыканты, актеры. Свои стихи читали Тициан Табидзе, Симон Чиковани, Паоло Яшвили, Борис Пастернак. Салон она часто уступала молодым художникам. Звучала чарующая музыка, когда играли Святослав Рихтер и Генрих Нейгауз.

Из письма Святослава Рихтера: «Для меня Елена Дмитриевна, Вы не только друг, Вы открыли меня, как



живописца, горжусь, что первая моя персональная выставка была открыта именно в Вашем доме».

«Сколько прекрасных минут, часов, дней мне посчастливилось провести в Вашем обществе, вместе со Славой Рихтером, Ниной Дорлиак, Кето Магалашвили. Хочется часами сидеть, чтобы запечатлеть в памяти многие картины. Они завораживают, вызывают грусть, очарование, восторг, музыку переживаний так же, как хорошая музыка вызывает зримые образы и философские мысли».

Генрих Нейгауз, 1951 г., январь

В. Анджапаридзе – Е. Ахвледиаки: «Люблю тебя потому, что твой талант необычен. Люблю тебя потому, что твое искусство – источник жизни, люблю тебя потому, что ты неугомонная, вечно в поиске, вечно молодая. Твое искусство настолько волнует, что не могу успокоиться от необыкновенного желания что-то сделать новое, хорошее на сцене».

Твоя Верико Анджапаридзе».

«До сих пор не могу опомниться от всего виденного у Вас. Как я рада, что знаю Вас. Когда встречаешь такое яркое, настоящее, сама подтягиваешься. Хочется жить, что-то сделать большое, чтобы не было стыдно перед такими, как Вы, а ведь таких, как Вы, так катастрофически мало». Елена Гоголева, 1964 г.

«Вы заставили меня устыдиться своим мыслям о смерти. Боялся, что год, два и пойдешь на убыль. А нет! Есть в Тбилиси сердитая, седая, высокая Эличка Ахвледиаки. В своей жизни я не встречал более человеческого человека. Вы откровенны до ужаса и честны до невозможности. Природа наделила Вас щедростью во всем, и в Вашей жизни и в Вашем творчестве. Ваш Леонид Варпаховский». 1966 г.

И снова отзывы...

Неповторимый мир Елены Ахвледиаки пленяет всех. Ее искусство на все времена: национальное и общечеловеческое. Ни одно поколение молодежи будет прозревать в этих стенах и уходить отсюда с новым взглядом на мир.

Такие дома художника, сохраняющие движение души и радость творчества ни с чем не сравнимы.

Спасибо за то, что все здесь сохранено в неприкосновенности, даже сейчас, в этот тревожный период, когда культура переживает трудные времена.

«Какие ближайшие планы?», - спрашиваю Тамилу Васильевну. - «Идей много, но сегодня искусство, как никогда, нуждается в финансовой поддержке. Необходимы спонсоры, меценаты... Мы не без внимания».

Мне хотелось поговорить на эту тему, но я только добавила: «Вы же знаете, какой след в свое время оставили Третьяковы, Мамонтов, Сараджишвили. А сколько полезного делает сегодня Бидзина Иванишвили, другие наши меценаты...» Уходя, я еще раз подошла к стенду с фотографиями. Снимки художницы преклонных лет отражают ее интеллект.

Жизнь без амбиций, зависти, суеты. Жизнь истинного художника. Все здесь впечатляет.

Особенно эта удивительная атмосфера и умиротворенность.

«Так Вы еще зайдете?», - переспросила меня Тамилу Васильевну.

- «Непреренно. За мной остались желтые розы».

НЕЛЛИ УЗНАДЗЕ



ГРУЗИНСКОЕ СОКРОВИЩЕ «РУССКОГО АЛКОГОЛЯ»



Сергей Викторович Сорокин

ЗАО «Группа компаний «Русский Алкоголь» было создано в 2003 году для управления алкогольными активами группы «Промышленные инвесторы». «Русский алкоголь» принимает активное участие в формировании цивилизованного алкогольного рынка в России, а с 2005 года и в Грузии. Разделяя интересы развития бизнеса и государства, руководство холдинга стремится к прозрачному легальному ведению бизнеса. «Русский Алкоголь» заявляет о своих намерениях формировать цивилизованные правила игры, ведущие к консолидации рынка, и отстаивать интересы отрасли на государственном уровне вместе с другими крупными производителями качественной продукции.

Предлагаем интервью с генеральным директором компании **Сергеем Викторовичем Сорокиным**.

- Сергей Викторович, расскажите, пожалуйста, об истории создания компании «Русский алкоголь» и почему вы заинтересовались бизнесом в Грузии?

- Началось все с того, что группа «Промышленные инвесторы», владельцем которой является Генералов Сергей Владимирович, в 2002 году приобрела в Московской области ликеро-водочный завод «Топаз». Мне предложили возглавить этот новый проект, который получил название «Русский Алкоголь». Мы обновили продукцию завода, создали новые бренды, приобрели новые производственные мощности: ликеро-водочный завод «Весна» в Туле и завод слабоалкогольных напитков «Браво-премиум» в Санкт-Петербурге. Кроме этого, мы, конечно, интересовались и Грузией. Группа «Проминвесторов», участвовала здесь в конкурсе и на приобретение Батумского пароходства. Ис-

ходя из этого, мы располагали достаточной информацией о бизнесе в Грузии. Кроме этого, мы хотели заняться и производством грузинского вина. Но неожиданно мы получили предложение купить водочный завод и марку. Выяснилось, что водка в Грузии не так популярна, как в России, но при этом востребована. И грузинские потребители хорошо разбираются в ее качестве. Мы решили приобрести ликеро-водочный завод «Ушба». И приступили к делу.

- Когда у вас появилась первая продукция и имела ли она успех у грузинских потребителей?

- Тяжелое нам досталось наследство, вернее, его совсем не было. Завод находился в плачевном состоянии, его буквально лихорадило. Мы потратили немало времени на модернизацию старых и монтаж новых линий, рестайлинг продукции... Мы применили технологию, практикуемую нашими специалистами в Московской области на заводе «Топаз» и на заводе «Весна» в Туле. Установили дополнительную систему очистки, однако воду для производства водки мы, как и прежние владельцы «Ушбы», берем из натахтарского источника, что положительным образом влияет на качество продукции. Итак, первая продукция ЛВЗ «Ушба» появилась в августе 2005 года. И грузинский потребитель остался очень доволен. Продукция завода «Ушба», кроме рынка Грузии, рассчитана на рынки Армении и Азербайджана.

Кроме этого, «Русский Алкоголь» начал ввозить в Грузию свою продукцию, производимую в России. Это такие известные бренды, как «Зеленая марка», «Гербовая». А в Азербайджане и Армении мы уже давно продаем продукцию «Русского Алкоголя» и наши позиции как импортера импортной водки очень сильны.

- В чем состоит специфичность грузинского водочного рынка?

- В Грузии нет ярко выраженной сезонности потребления ликеро-водочной продукции. В России наоборот. Пик продаж приходится с сентября по декабрь, в январе наступает спад. Так как все устало от праздников и первый месяц нового года предпочитают провести без алкогольных напитков. В ноябре - декабре реализуется в два раза больше, чем в августе. Однако в Грузии реализация водки увеличивается летом.



- Чем отличается вкус русской водки от грузинской и иностранной?

- Между русской и грузинской водкой большой разницы нет. Лидеры грузинского водочного рынка используют традиционные русские технологии. Мы в своем производстве используем новейшие разработки российских научно-исследовательских институтов. Это и новая серебряная фильтрация, и выдержка купажа (то есть смесь воды, спирта и соответствующих ингредиентов, придающих вкус продукции). Над созданием уникальной системы очистки трудились высококлассные специалисты, кандидаты наук. В результате их работы получилась установка, аналогов которой практически нет: она производит спирт, превышающий по чистоте нормы ГОСТа для производства водочной продукции в 10 (!) раз. На завод привнесены самые последние научные достижения.

У нас разработаны и применяются методики определения примесей различных веществ в спирте. Остальные компоненты водки, производимой на ликеро-водочном заводе «Ушба», тоже только высшего сорта. Например, воду, хотя это и обходится дороже, берем из уникального натахтарского источника, и она последовательно проходит семь степеней очистки, в том числе и на молекулярном уровне. Что касается водки иностранных поставщиков, то она на вкус пресная, потому что содержит кипяченую, дистиллированную воду, лишенную природных качеств и вкуса. Наша же вода даже после всех очисток сохраняет все вкусовые качества. И последняя составляющая нашей продукции - это вкусовые и антипохмельные добавки. Все добавки исключительно натуральные. Это важнейшее кредо производителя.

- Оказывает ли вам конкуренцию дешевая, фальсифицированная водочная продукция и что вы делаете для защиты своей торговой марки?

- Мы не конкурируем с такими производителями, потому что у нас абсолютно другое качество продукции и ее упаковки. Невозможно сравнить водку «Ушба» с так называемой водкой за полтора лари даже по внешнему виду.

С проблемой фальсифицированной продукции мы сталкиваемся и в России. Если в Грузии это водка за полтора лари, то у нас водка за 45 рублей. К сожалению, такая цена нереальна, так как сумма акцизов и налогов составляет больше 50 рублей. Мы считаем, что производители фальсифицированной

продукции, выплачивающие налоги, портят рынок. Непонятно, как можно считать подобных людей отечественными производителями. Они просто обкрадывают бюджет страны, который предназначен, кроме всего прочего, для выплаты пенсий, социальных выплат различным неимущим слоям населения. Все должны играть по правилам. Для этого соответствующие ведомства, должны установить минимальную цену на продукцию. Кстати, в Тбилиси фальсифицированной вино - водочной продукции гораздо меньше, чем в регионах. Это значит, что можно наладить контроль, если больше работать.

- Что вы можете сказать о грузинском застолье, о традиции тамады?

- Я не первый раз в вашей стране и очень люблю грузинский народ. Часто мне приходится говорить такие слова: «Я уже много раз бывал в Грузии и давайте не говорить так много о гостях. Давайте поговорим о чем-нибудь другом, более интересном». Что касается грузинского застолья, то о нем уже столько сказано и все это совершенная правда. Я обожаю грузинскую кухню, вина. Я обратил внимание и на то, что застолья в Грузии часто проводятся не для того, чтобы выпить, а просто поговорить по душам. Пять мужчин за вечер могут выпить всего лишь бутылку вина и мне это очень нравится.

- Некоторые эксперты утверждают, что у Грузии есть большой потенциал производства и реализации вино - водочной продукции, но оно не используется в полной мере.

- Большой потенциал, безусловно, есть. В Грузии есть соответствующие климатические условия, трудовые ресурсы и творческий потенциал. То есть все, что необходимо для выращивания винограда и производства хорошего вина. И этот потенциал реализуется постепенно. Страна только сейчас встает на ноги. Это видно на каждом шагу, на каждом квадратном метре земли. Началось строительство, экономика страны вышла из кризисного состояния. На мой взгляд, вино-водочное производство в стране развивается нормально и правительство проявляет свою консолидирующую роль.

- Ваши ближайшие планы.

- Компания намерена продавать больше продукции, поддерживать ее высокое качество, расширять ассортимент и становиться лидерами рынка по всем параметрам. То есть в сегменте недорогих водок, дорогих напитков, настоек, вин, сегменте слабого алкоголя. К сожалению, мы часто сталкиваемся с невозможностью приобретения готовых производств, которые можно было реконструировать и начать выпуск продукции. Поэтому мы вынуждены вкладывать средства еще и в строительство заводов. «Русский Алкоголь» строит в Новосибирске большой завод мощностью 15 миллионов декалитров продукции. Строительство должно закончиться к концу года. В Грузии мы будем расширять производство ликеро-водочной продукции и одновременно планируем выпуск грузинского вина. Которое будет такого же высокого качества, как и вся наша продукция.

- Считаете ли вы, что с вашим приходом водочное производство в Грузии вышло на новый этап развития?

- Безусловно. Во-первых, мы внедрили технологию производства водки, которая исторически связана с Россией - родиной этого напитка. И во-вторых, мы и в России и в Грузии проповедуем законопослушный бизнес. И появление такого игрока, каким является «Русский Алкоголь», поможет всем остальным цивилизованным участникам грузинского рынка тоже почувствовать поддержку. Думаю, что наш приход на алкогольный рынок Грузии должен положительно повлиять на всю отрасль.



На производстве

ЛИЛИ БЕНДУКИДЗЕ



Лицензия, рег. № 532 № Б-082419 Действ. с 07.05.04 по 14.11.06

www.glavspirttrest.ru

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

РУССКОЕ ПОЛЕ НА ГРУЗИНСКИХ ПРОСТОРАХ

Численность русских в нашей стране уменьшается с каждым годом. За последние двадцать лет эмиграция достигла критической отметки. Естественно, возникает проблема русского языка, на котором в нашей стране скоро просто некому будет говорить. Но может быть, не поздно еще что-то поправить.

Вопрос о том, имеет или нет русский язык право на дальнейшее существование в Грузии, беспокоит не только научных работников. Он задевает за живое и простых людей.

Подготовка этого материала привела меня в родные пенаты, в Государственный технический университет на факультет журналистики. Сюда я поступила, в надежде, что в Грузии моя профессия будет востребована. Сейчас в это мало верится... Русскоязычных СМИ практически не осталось.

А на какое отделение подаст документы новое поколение русскоязычных абитуриентов?

Академик, профессор, доктор педагогических наук Борис Леонидович Имнадзе тридцать с лишним лет заведует кафедрой русского языка, литературы и журналистики в Государственном техническом университете. Филология - его призвание. За свое детище, кафедру, которая когда-то насчитывала около двухсот преподавателей, он болеет и душой, и сердцем. Есть из-за чего. Сегодня здесь преподают 15 штатных лекторов. За сухими цифрами скрывается жизнь целого поколения. Чтобы кафедра продолжила свое существование, важно не количество, а качество сотрудников. А кадры здесь остались профессиональные. По словам Бориса Леонидовича, шестеро из них доктора науки, столько же кандидатов. Это немало для гуманитарного факультета технического вуза.

- Сокращается и количество абитуриентов, а это влечет за собой снижение уровня знаний. Он будет снижаться, пока совсем не исчезнет?

- Не так давно на нашей кафедре мы пошли на эксперимент, ввели специальность референта-переводчика с русского на грузинский. Но увы, в этом году курс мы не набрали.

- Была допущена ошибка при объявлении специальности, и абитуриенты узнали об этом после объявления результатов Единого госэкзамена. Ребята все как один перевелись на специальность референта-переводчика с английского, на которую якобы изначально и подавали документы. Количество студен-



Т. Мегрелишвили, Е. Козлова, Б. Имнадзе

тов у нас в принципе остается неизменным. Да, русскоязычное население уезжает... Можно сравнить с прошлыми годами, тогда станет ясно, что студентов у нас меньше. Первый набор на факультете техни-

ческой журналистики составил 12 человек. Сегодня эта цифра не превышает 8-10 человек.

- Как вы оцениваете ситуацию с русским языком на грузинском отделении?

- Раньше грузинская интеллигенция, и не только она, даже заикалась по-русски, а сегодня это уже не модно, не актуально. Ситуация плачевная. Курс лекций по изучению русского языка как иностранного составлял 240 часов, сейчас он «укладывается» в 42 часа. Раньше преподавание русского языка было обязательным на всех факультетах. Но уже четыре года, как студенты сами выбирают, курс какого иностранного языка им нужен. Если говорить цифрами, то меньше одной трети сегодняшних студентов изучают русский как иностранный. Остались лишь некоторые специальности, где русский является обязательным – банковское дело, референт-переводчик с грузинского. Факультет автоматики отказался от русского языка, объясняя это тем, что в компьютерном деле важнее знать английский. Не так давно архитекторы вновь подали заявку на курс русского языка. Правда, часы эти составляют самый крайний минимум необходимого для преподавания.

Да, что там студенты. Мои внуки не хотят говорить на русском.

- Ну вы же дедушка, можете как-то повлиять.

- Ничего не могу поделать. Современные тенденции сильнее.

- С переменной власти у нас одни тенденции, реформаторские...

- Реформа системы образования необходима,

хотя и страшно болезненна. Понимаю, что высшая и средняя школа в ней нуждаются. Но непедagogично, на мой взгляд, прерывать учебный процесс в школах посреди года. Школа-фундамент знаний. Она и так не пополняется новыми силами. Где взять хороших специалистов? Очень часто язык преподают совершенно случайные люди...

- Теряем базу, сдаем позиции?

- Мы не имеем право терять то, что создавалось на протяжении двухсот лет. Россия всегда имела прямые взаимоотношения с Европой. Благодаря России Грузия вышла в ее культурное поле.

- Современные технологии позволяют обойтись сегодня без России. Уже не нужно ходить пешком на тот берег Терека, и в Европу авиабилеты со скидкой.

- Такое положение долго не продлится. У России много возможностей: с иностранных языков переводится масса книг. Возьмите любую отрасль – науку, производство, медицину, литературу. Не будет же каждая бывшая союзная республика ждать, когда всю эту информацию переведут на их язык с английского, французского... Это титанический труд, на который нужно время, а оно не стоит на месте. Наши библиотеки богаты литературой на русском языке. Не умно отказываться от того, что приобрели. Мы растеряем все, что накопили. К счастью, в Грузии есть люди, и их довольно много, которые не позволяют, чтобы мы полностью потеряли русский язык.

- Удалось сохранить контакты с филологами-русистами других стран?

- Они держатся на личных симпатиях. Научная работа продолжается только с Российской Федерацией. Виталий Григорьевич Костомаров, Ольга Даниловна Митрофанова, Алексей Алексеевич Леонтьев, Евгений Михайлович Верещагин помогают нашей кафедре как могут – присылают новую литературу, учебники. С этими людьми многие годы меня связывают не только профессиональные, но и дружеские отношения.

В течение года я смог поехать в Москву на симпозиум два раза, когда там проводились научные конференции. А нужно было быть там каждый месяц. Раньше мы ездили... С каждым годом делать это становится все труднее. Мне жаль, что молодежь будет вариться в собственном соку, а это ничего хорошего не даст. Наше поколение уйдет, и как у А. М. Горького: «Все в землю ляжет, все прахом будет».

Грустно, просто хочется повидать друзей, которые, как и я, стареют. Но как знать. Поэт сказал: «... весь я не умру – душа в заветной лире мой прах переживет...»

Достаточно оптимистична в вопросе русского языка позиция Елизаветы Павловны Козловой, кандидата педагогических наук, доцента кафедры русского языка литературы и журналистики ГГУ. И дело даже не в самой проблеме языка, говорит она, а в потере духовности.

- Новый учебный год начнется с борьбы за каждого студента. Уровень абитуриентов, подающих документы на русское отделение вуза не высок и многие



просто не проходят тестирования на вступительных экзаменах.

- Русскоязычная журналистика оказалась не у дел?

- В Грузии она приняла все возможные оттенки желтого цвета. Качество периодических изданий на русском языке оставляет желать лучшего. Журналистика – ремесло? Нет – творчество. Мы не хотим растить сапожников.

Если «ледниковый» период в отношениях между Россией и Грузией не закончится, русский язык перейдет в Грузии в область «вечной мерзлоты». На лекциях, о чем бы я ни говорила, попутно объясняя студентам правила орфографии, пунктуации. Занимаюсь ликбезом в полном смысле.

- Реформы в системе образования назрели?

- Может, реформа образования и хороша, но выхолащивать гуманитарную, культурно-эстетическую базу нельзя. Русскую литературу ввели на нашем факультете в курс мировой. На изучение творчества Достоевского выделено всего два часа.

Кстати, в связи с реформой, которая делит нашу кафедру на два модуля, я думаю перейти на модуль русского языка. Времена для русскоязычной журналистики у нас сейчас не лучшие. Но решающий шаг сделать не могу. Уйти сейчас – значит предать.

- Что-то изменилось?

- Преподавателей по теории журналистики вообще нет. Планы, современные программы для нашего факультета я привозила из Москвы, из Института дружбы народов, работала над новыми проектами, помогала студентам во время занятий по тележурналистике. При том, что технического оборудования у нас нет, есть только амбиции, желание, стремление к действию...

Вначале было много сил для занятий благотворительностью. В какой-то момент их не стало, все мы живые люди.

- Значит выхода нет?

- Есть, а как же иначе. Мы не имеем права опускать руки. У наших студентов и так нет стимула для учебы. В старые добрые времена редакции газет делали заявки, брали студентов на практику.

- А сегодня?

- Практика? Ее нет. И будущим журналистам не только образцы современной литературы, то, что читает весь русскоязычный мир, периодика недоступна. Я приношу им книги Людмилы Петрушевской, Татьяны Толстой, Улицкой...

- Русский – уже иностранный.

- Хотим мы или нет, но это так. В Грузии русский язык необходим даже в статусе иностранного. Чтобы узнать психологию своего соседа, сущность его души не по клише, предлагаемыми СМИ, а по творчеству народа.

- Сегодня отдалили друг от друга две близкие культуры – грузинскую и русскую. Дистанция между ними будет увеличиваться или силы взаимопритяжения возьмут верх?

- В недавнем прошлом русский язык выпал из обихода общения. А как общаться с соседом, не зная

языка? Что это даст? Ничего кроме головной боли. Но надежда на сближение все-таки есть.

Нам бы вовремя навалиться всем миром и сохранить богатство, накапливаемое десятилетиями армией филологов. В том и проблема, что действовать сообща как-то не получается. А то, что сейчас происходит? Мы пожинаем плоды истории. А она, как известно, развивается по спирали. И после разрухи обязательно наступает период возрождения. Тогда весь «русский архив», истлевший под плесенью политических интриг, будут переписывать уже с чистого листа.

Татьяна Григорьевна Мегрелишвили – доцент Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, доктор филологических наук, главный редактор альманаха молодых филологов-русистов «ЛиК».

- Как вы считаете, русская литература в переводе на грузинский язык может привлечь грузинского читателя?

- Есть самый великий язык в мире – Добро, Любовь, Культура. Этот язык универсален. Используя его, ты исключаешь из общения преходящее, теряешь сиюминутность момента и начинаешь жить во вневременном поле культуры.

- А какое оно, поле русского языка и литературы в Грузии?

- Приходите на лекцию! Я начинаю первое заня-



тие с того, что прошу студентов поздороваться со мной на русском языке, почитать стихотворения А. С. Пушкина. Кроме «Я помню чудное мгновенье...», обычно ничего другого от ребят не слышу. Такое печальное положение наблюдается на русском отделении вуза. Среднестатистический студент не ориентируется ни в поэзии, ни в прозе. И это относится не только к русской литературе.

- В Грузии перспективно получать образование на русском языке?

- Образование на русском стало образованием на иностранном языке. Специалист, который хочет работать в Грузии, в первую очередь, должен знать грузинский язык, но обязан владеть и иностранными языками. Не читая новинок, невозможно повышать квалификацию. А они, в основном, выходят на русском или на английском. Но, в общем, образование не зависит от языка обучения, оно связано с его качеством.

- Ваш выпускник – конкурентоспособный специалист в России?

- Я достаточно часто общаюсь с коллегами из Санкт-Петербурга, Москвы. Наши программы в рамках модуля «русский язык-литература» мало отличаются от российских.

Что касается наших выпускников, многие из них успешно работают и в России, и за рубежом.

- Иностранные языки нужно знать. Ладите сами с грузинским?

- Я говорю на грузинском, но не знаю его в совершенстве, а хотелось бы достичь такого уровня, когда можно было бы и лекции читать на грузинском. Быть неслышанным – вот беда!

- Ваши работы публикуют?

- Разумеется. Я в науке автор со стажем. Недавно вышла моя очередная монография в издательстве



«Мерани». Есть публикации и на грузинском языке. К примеру, прежде чем выйти в литературном альманахе «На холмах Грузии», моя статья о творчестве Бориса Акунина, о роли постмодернизма в современной русской литературе была напечатана в грузинском альманахе «Литература и другое». Переводить на грузинский язык мою сложную лексику непросто. Хочу, чтобы настал день, когда я смогла

бы писать на хорошем литературном грузинском.

- При поддержке посольства Российской Федерации в Грузии увидел свет уже второй выпуск литературного альманаха «На холмах Грузии». Альманах стал для русскоязычных авторов своеобразной отдушиной.

- «На холмах Грузии» – это прекрасное начинание. Смысл в том, что произведение публикуется. У русскоязычного автора должен быть стимул для творчества. Но мне бы хотелось надеяться, что это издание будет совершенствоваться. И здесь появятся не только публикации творческой молодежи, но и материалы более зрелых авторов. А внедрение рубрики «Проба пера», на мой взгляд, оправдывает работу молодежи, придаст альманаху большую четкость.

- Вы отметили, что современный студент не ориентируется ни в поэзии, ни в прозе. Трудно прививать хороший вкус к литературе, когда молодежь не дружит с русским языком?

- У меня есть идея, которую не осуществить за два дня, но она стоит того, чтобы над ней поработать. А цель ее состоит в том, чтобы познакомить молодое поколение грузинских студентов с русской литературой XX века. Конкретно, хотелось бы издать антологию русской литературы на двух языках. Современной грузинской молодежи нужно знать, что помимо Горького, Фадеева, в русской литературе XX века есть Набоков, Булгаков, Ахматова, Пастернак. И все это – большое культурное пространство, о существовании которого наша молодежь порой и не догадывается. Помимо литературы, в антологию войдут статьи о самом знаменательном и великом в культуре России XX века – балете, живописи, музыке...

- Кто будет рассказывать грузинам о русской культуре?

- Мое поколение не последние из могикан. Если посмотреть на все с оптимизмом – жизнь дает возможности и их надо использовать. С позиции рыночной экономики наши выпускники будут востребованы. Они и заполнят образовавшуюся нишу, ведь наша специальность постепенно становится раритетной.

- Если все так удачно складывается, значит, и нет проблемы.

- Проблема продиктована обществом, которое хочет меняться, а перемены назрели.

- И все же, печально, но факт, «русским духом» в Грузии уже не пахнет.

- А что такое «русский дух»? Понятие политическое? Тогда хорошо, что не пахнет.

А вот если это понятие культуры, то в Тбилиси с незапамятных времен мирно и с пользой друг для друга сосуществовали разные культуры. В том числе и русская. В Грузии места хватает всем. Сегодня мы живем в эпоху постмодерности. С научной точки зрения, жить в такое время непросто, но интересно. На наших глазах формируется будущее нашей страны, и я верю, что в этом будущем есть место русской культуре.

ОЛЕСЯ КУПРЯНЧУК

ДИКТОКУЛЬТУР

СТИХОТВОРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ЗВИАДА РАТИАНИ

Звиад Ратиани – один из лучших современных грузинских поэтов поколения 30-летних, Звиад редко участвует в т.н. тусовках. У него в телефоне записаны голоса великих поэтов, читающих свои стихи. Он их часто слушает в машине, будучи в постоянных разъездах. Его работа сегодня совершенно не связана с литературой – намеренно и волей случая. Оно и прекраснее, именно это и нужно пишущему человеку: различные пейзажи, разнообразие речи способствуют и расширению лексики, и смирению, чему не в последнюю очередь учит любая литература. Работа отнимает все свободное и несвободное время, и, тем не менее, он много читает, думает, по сути, пишет, не записывая. Поэт пишет всегда, даже когда не пишется. Окружающие только удивляются, когда он успевает спать...

Недавно вышла четвертая его книга стихотворений «Дороги и дни».

- Какое у тебя отношение к собственным книжкам?

- Первая книжка в 93-м вышла, вторая в 94-м, был я и рад, и горд, и мал – по возрасту и во всех отношениях. А потом не знаю. Если честно, особой радости, возбуждения выход книжки во мне не вызывает. Я считаю, что это нормально – радоваться, однако я же не воспринимаю эту книжку как книжку. Каждое стихотворение очень долго писалось.

- Ты редко участвуешь в массовых литературных мероприятиях. Понимаю, что сознательно. Тяготит обстановка?

- Объяснить нелегко. Для себя. Дело не в том, что тяготит обстановка и многолюдье на меня плохо действует, хотя доля правды есть тут. Наверное, с тех самых лет, когда начиналось освободительное движение, мне было 16-18 лет, я кружился там, и от многолюдья, вернее, после того, что за всем этим последовало, у меня какое-то отвращение к большому скоплению народа появилось. Конечно, к литературному миру это не относится, но... Не то что мне другие не нравятся, или ситуация не устраивает, я сам себе не нравлюсь. Я бываю на презентациях книг моих друзей, или тех, кого уважаю. Хотя и другой важный факт: у меня нет времени, я часто разъезжаю. Да мне и на собственной презентации не хотелось присутствовать. Надо было просто.

- Ты много переводишь английскую, немецкую поэзию, в том числе и нобелиатов...

- Перевожу я спонтанно, не считаю себя профессиональным переводчиком. И с точки зрения технических нюансов, и вообще по натуре. Я часто переводил стихи авторов, которые мне не очень-то и нравились, но мне как-то хотелось сделать это стихотворение на грузинском. Языковой интерес, азарт: получится ли. Форма меня интересует.

- С какого языка легче переводить?

- Не знаю, я с английского перевожу, в основном. В 1998 году книга вышла – Элиот в моих переводах.



Ужасная книга. Это не ложная скромность - очень слабые переводы. Потом у меня было желание искупить вину. И в 2000-м я перевел «Бесплодную землю» Элиота. Но только ее. В принципе, неплохой перевод, но больше уже не буду. Если я начну все эти грехи искупать, то десяти жизней не хватит.

- Кто у тебя еще из «грехов»?

- Меня не мучают старые грехи. Что-то мне чаще не нравится, но так на меня плохо не действует, не стыжусь я этого. Кто еще? Элиот - книга издана, Эзра Паунд, Марк Стрэнд, Дерек Уолкотт, У.Х.Оден, Шеймус Хини... Одна публикация Хини у меня, Марка Стрэнда много, четыре публикации, почти книжка... Орбита Бродского, в общем... Если вспомнить более ранние публикации, стихов шесть-семь Уоллеса Стивенса, У. К. Уильямса, Чарльза Симика - все они большие поэты. Из переводов с немецкого печатались только Рильке и Целан. Пауль Целан уже отдельной книжкой вышел в прошлом году.

- У тебя был забавный случай на фестивале в Австрии, когда чуть было ты не поговорил с Уолкоттом... Кстати, какой фестиваль это был?

- «Раурисские литературные дни» (Раурис - деревушка в Альпах), проходят ежегодно, начиная с 1970 года. В разные годы там бывали такие известные немецкоязычные писатели, как Артман, Гюнтер Айх, Хантке и многие другие. Почти все громкие немецкоязычные имена. У них есть такая традиция: каждый год они приглашают гостей, и в основном, представителей малоизвестных для них литератур. В 2003 году в программу включили Грузию. Они вышли на Дато Барбакадзе, который тогда жил в Мюнхене, - поэт, литератор, он с немецким уклоном культуртрегер, один из тех, кто носит в себе свою литературу, и он сделал всю подготовительную работу. Намечалась публикация современных грузинских авторов в Австрии, в очень старом весомом литературном альманахе «Зальц». Издается в Зальцбурге. А потом получилось так, что весь февральский номер 2003 года был посвящен Грузии, он так и назывался «Современная грузинская литература». Туда вошли Дато Барбакадзе, Дато Чихладзе, Шота Иаташвили, Ака Морчиладзе, Лаша Бугадзе, Карло Качарава, Рати Амаглобели, ваш покорный слуга и так далее. Довольно-таки представительный состав сов-

ременной грузинской литературы. Факт, что такого не было уже давно или вообще никогда. Пять дней длилась конференция, было несколько известных имен: Барбара Пришмут, Роберт Менассе, Хана Иохансен, Дитер Кюнь, хозяйка этого фестиваля Брита Штайнвендтер... Что хочу заметить: публикация в Австрии, в России в «Октябре» в прошлом году, тогда же мы были в Баку – в Азербайджане вышел альманах грузинской поэзии и прозы. Больше 10 лет прошло – ничего такого не случилось. А потом что-то зашевелилось. «Лед тронулся, господа присяжные заседатели...». На прощальном банкете познакомился с участником конференции Раулем Шроттом – поэтом, он молодой, лет 40, очень известный в Австрии и Германии. Я увидел там книгу Уолкотта «Midsummer» («В середине лета») в переводе Рауля Шротта, и в первую очередь заговорили о Дереке Уолкотте, потому что и я его переводил, и очень люблю. Рауль обрадовался и говорит: «Сейчас я ему позвоню». И начал звонить. Говорит, Дерек очень будет рад, хоть и не уверен, что он знает, где Грузия. Но Уолкотт не брал трубку, потом он посмотрел на часы, в Америке была ночь.

- Есть специфика перевода с русского и английского?

- С русского я почти не переводил. На уровне попытки... Судить не могу. Конечно, есть. Во-первых, русский знаешь гораздо лучше. И не только я. Все вокруг. Текст доступен всем, гораздо легче, чем какой-то Уолкотт или Марк Стрэнд. Психологический фактор действует. Не переводческое мастерство, языковые проблемы, а еще все-таки это пугает, или какие-то комплексы навязывает. С русского переводить я пробовал, попытки были обреченные – я знал, что они обреченные, – Бродского. Есть у меня такой грех.

- Как говорил Роберт Фрост, поэзия – это то, что теряется в переводе...

- Теряется в переводе, но перевод – это потеря одного и приобретение чего-то другого.

- Что нового в мировоззрении приобретает грузинский язык в связи с переводом именно этих поэтов?

- Я не уверен, что язык, вероятно, и язык. Поэзия, литература приобретают в первую очередь, другое все: другой взгляд, другие формы, непривычные для грузинского стиха, особенно если дело касается Бродского и поэтов такого ранга.

- Есть тенденция, что чем моложе поколение, тем меньше интерес к русской литературе, языку?

- Сложно сказать. Потому что если русский язык для моего поколения, даже для людей младше меня, был функциональным, то у следующих поколений все зависит от ситуации в этой стране. И социальные аспекты, и многое другое. Не хочу говорить, уже банальным стало: знание английского и компьютера – шанс достать билет в нормальное будущее, но ведь так оно и есть! Следовательно, и молодежь, молодое поколение только на это и переключается, насколько вижу, а я разъезжаю по разным регионам – у меня работа такая, нелитературная. Уже не только в Тбилиси, а в каких-то селах, где и компьютера нет, а работу не найти, не зная английский – в селах, в горах. Язык, сам язык русский должен быть близким, как для наших поколений был, для поколе-

ний предыдущих. А был этот язык близким почему? Из-за общей ситуации. Сейчас она меняется. Мне очень жаль, я знаю, что такое русский язык. Уже не говорю о литературе. Огромный язык. Великий язык. Язык, который просто не может не порождать великих дел.

- Мой постоянный вопрос гостям рубрики про будущее «старых запасов» – русско-грузинских связей. Надо воссоздавать их или создавать заново, на твой взгляд?

- Во-первых, хочется надеяться, что так и будет. Мне вообще трудно о таких глобальных вопросах думать. Дело в языке, язык-то мы знаем, дело в библиотеках, в домашних библиотеках. Очень много русских книг в наших домах, уже не говоря о глубоких темах, о связях культурных, человеческих... Табидзе, Пастернак и т.д. Это все «старые запасы», и, наверно, они закончились, ушли с той эпохой.

- Сейчас намечается какой-то подъем, антологию современной грузинской поэзии хотят издавать в России...

- Я очень рад, что такой интерес появился. В прошлом году была публикация нескольких наших авторов в журнале «Октябрь», о которой уже упомянул. Группа поэтов заинтересовалась, мне написал Максим Амелин, один из инициаторов проекта. Это все-таки частная инициатива очень конкретных групп. И мы хотя бы потому уже благодарны им, что перевели. Я лично очень благодарен тем людям... Среди них хорошие поэты: Дима Веденяпин, сам Амелин. Я уже не в состоянии судить о причинах, побудивших их переводить... И хочется, и надо верить, что никаких причин, кроме литературных, нет.

- В Грузии у твоего поколения есть интерес к русской литературе?



Б. Пришмут, Д. Барбакадзе, Б. Штайнвендтер, З. Ратиани, Т. Хачапуридзе

- Да, интерес к русской поэзии, литературе – я могу точно сказать – огромный. И любовь. Ведь огромную долю нашего поэтического «я», на чем оно держится вообще и на чем мы выросли – составляет русская поэзия, и классическая, и более современная, плюс мировая поэзия в русских переводах; в этом и влияние, и любовь, и, может, нелюбовь. Насчет нашего поколения не знаю, но Шота Иаташвили хорошо перевел нескольких русских поэтов. Но перевод грузинских стихов на русский актуальнее, чем наоборот: мы ведь можем читать русских в оригинале, а они нас – нет. И у меня было, и пока еще есть, желание

переводить с русского. Я даже начал, но так, пока подготовительные работы, Гандлевского...

- Один из лучших современных поэтов. Еще кого любишь?

- Льва Лосева. Я многих не знаю. Вот в чем проблема, если речь о современной русской поэзии. Это моя личная проблема, но и у других, наверное, та же - дефицит информации. Несколько лет назад у меня не было никакой возможности добраться до современной литературы. Сейчас есть, но нет времени. Большею частью через Интернет, конечно. Информацию какую-то получаю, не в той дозе, в которой мне хотелось бы. Есть высокая планка, и ниже редко кто опускается, во всяком случае, в толстых журналах в России. Уровень прекрасный, чудесный, но что-то не запоминается, может, и прочел гениальное стихотворение, но не в состоянии понять.

- Наверное, сейчас время не великих, а хороших поэтов в русской литературе. В английской есть, по крайней мере, Уолкотт. Кстати, мандельштамовская «тоска по мировой культуре» грузинской литературе свойственна?

- По-моему, нет. Есть менталитет. Не говорю, хороший или плохой. Но менталитет. Не восточный и не западный.

- Южный, скорее?

- Может, южный. Думаю, страна должна жить какой-то своей логической жизнью. А в Грузии давно этого не было в принципе. Может, и в очень далеком прошлом были исторические периоды, когда вроде бы начинала жить своей жизнью, а потом опять все менялось. Имею в виду волны бедствий, которые уносили наш народ то в одну, то в другую сторону, т.е. отдаляли от логического курса развития. На протяжении всей истории так было. То есть нация, живущая своей жизнью, с войнами, плохим и хорошим, но своей, а этого нет. Не было ни вчера, ни позавчера, ни 200, ни 500 лет назад. Разве что неполный один век... «Тоска по мировой культуре», скорее, свойственна большим народам, подвластным своей судьбе. А может, это вообще сугубо русская штука?.. Но вот судьба малых народов - это чаще чужая судьба, навязанная всякими врагами или, что еще страшнее, «покровителями». Сейчас переходный период, напряженка, не имею в виду, например, по отношению к России, у какой-то части населения просто напряженка в жизни: «Что с нами будет?», «Что с нашими детьми будет?» Так что никаких прогнозов делать невозможно сейчас, особенно в сфере культурных отношений. Ну культура - она же живет. XXI век... Столько всего изменилось. С одной стороны, какая там поэзия, но если мы посмотрим на человечество как на единый живой организм, у живого организма есть свои обязательные потребности: в еде и т.д. Одна из потребностей - стихи сочинять, наверное. Не только стихи, конечно... Просто потому поэзия и существует до сих пор. Может, на этом и стоит мир, не исключаю.

- Не хлебом единым...

- Да, заложено что-то. Почему я это все говорю... Исходя из своего опыта жизненного. Я ведь с 92 по 99, семь лет, в редакциях работал, в издательствах, среди людей, похожих на меня, говоривших о литературе. И тогда возникали какие-то иллюзии, не скажу, что иллюзии своей значительности или значимости, но что-то похожее. Я перестал жить так. В моей жизни так случилось, что проходят месяцы, и ни о какой литературе с людьми, которые меня окружают, с очаровательными, с очень хорошими



людьми, гораздо лучшими, не говорю. И живут эти люди без литературы. Обходятся. Я разъезжаю по всей Грузии, у меня очень тесный контакт с людьми, не всегда мирный в силу профессии - я работаю в компании мобильной связи. Имею дело с народом разгоряченным, боящимся всяких радиаций и т.д. И я вижу - кому это нужно. Абсолютное большинство людей в Грузии, да и в любой стране, прекрасно обходятся без поэзии - какие бы возвышенные вещи они ни болтали особенно за столом, со стаканом вина в руке, поэзия почти никому не нужна. И никаких таких иллюзий уже нет, ты видишь, что нас, нуждающихся в стихах, очень мало, так чего ж там выпендриваться, строить из себя гения, или без пяти минут гения. Это так глупо, так смешно. Никто в этой стране не читает, абсолютное большинство.

- Это по всему миру так.

- По всему миру так. Но, с другой стороны, это все - литература - существует.

- С каким человеком тебе легче дышится? Какое общение для тебя полноценно?

- О, с разными дышится легче. Так не просто скажешь. Вот я сейчас как живу: работаю, где-то раз или два в месяц, иногда больше, встречаюсь с друзьями, поэтами, писателями - они друзья не потому, что поэты, писатели, это главное нас объединяет, но мы просто полюбили друг друга, и нравится вместе сидеть, разговаривать, пить. Вот тогда я дышу, это цель не всей жизни, а цель месяца. В эту пятницу не получится, в следующую соберемся. Да, мелкое, но оно и есть жизнь. Может быть, и литература.

ИННА КУЛИШОВА



ОН ТВОРИЛ СКАЗКУ

«Примите глубокие искренние соболезнования в связи с кончиной выдающегося художника, всемирно известного мастера театральной живописи Юрия Аркадьевича Гегешидзе. Свой яркий творческий след Юрий Аркадьевич оставил и в Большом театре России, где его с благодарностью будут помнить всегда. Генеральный директор Большого театра России Анатолий Иксанов, Маквала Касрашвили, Александр Ведерников, коллектив Большого театра России».

Часто мы не успеваем что-то сделать, с кем-то пообщаться, поговорить по душам, остановить ускользающее мгновение. А потом остаются лишь горькие сожаления. Так, мне не удалось встретиться с Юрием

Гегешидзе, чтобы зафиксировать его взгляды на творчество, художественные и человеческие приоритеты. Он был, как всегда, очень занят в преддверии последней в своей жизни премьеры – спектакля «Ханума», да и чувствовал себя, мягко говоря, неважно, поэтому интервью все откладывалось и откладывалось... пока не стало поздно. Не успела... Теперь приходится обращаться к воспоминаниям друзей, близких, коллег. И, конечно, к картинам и спектаклям. В них – бессмертный дух Юрия Гегешидзе.

Ната Аладашвили, жена:

– Юра был настоящим художником, совершенно неистовым в своем творчестве. Он и дня не мог про-

жить без дела. Я никогда не видела отдыхающего Юру. Даже когда мы были на даче, он чувствовал себя не в своей тарелке и стремился как можно быстрее вернуться к работе.

Сначала Юра был живописцем, а потом стал заниматься сценографией... Первые свои спектакли – «Чинчрака», «Мэри Поппинз» – он поставил в грузинском ТЮЗе. Все оформленные им постановки были необыкновенно красивыми. Юра умел создать единый образ спектакля... Сегодня, как правило, костюмы создает один художник, декорации – другой. Для Юры это было неприемлемо.

Он не терпел непрофессионализм, бесталанность, был очень требователен и к себе, и к другим. Причем ему было безразлично, какое положение занимает человек – является он директором или прислугой.

Однажды Юра оформлял спектакль в тбилисском оперном – это была его первая постановка. В зале только что повесили люстру, и директор театра привел какую-то иностранную делегацию, чтобы они смогли увидеть ее. В это время Юра ставил свет и попросил всех выйти из зала. Но директор проигнорировал просьбу художника – какой-то мальчишка делает ему замечание. Вспылив, Юра буквально выставил гостей из зала. Как ни странно, этот поступок не только не восстановил директора против художника, но вызвал его уважение.

Юра очень любил и уважал Солико Вирсаладзе, и это отношение было взаимным. Солико даже уступил ему часть своей мастерской... В творчестве они были очень близки, мыслили одинаково. Их объединяла творческая общность. Если бы не было Солико Вирсаладзе, то не было бы ни Юры Гегешидзе, ни Гоги Алекси-Месхишвили, ни Мураза Мурванидзе... Они выросли на корнях этого мастера.

Возрождение Юрой художественного оформления спектакля «Щелкунчик», автором которого был Солико Вирсаладзе, можно сравнить с подвигом. Ему пришлось восстанавливать балет в очень короткие сроки, причем даже не по эскизам, а по очень плохой видеокассете. Этот спектакль Юра делал буквально день и ночь. «Приползал» домой в пять утра и требовал разбудить его в семь... И опять уходил в театр.

Бывало, засыпал стоя, во время работы, рисуя эти громадные декорации... Никому не доверял, потому что знал: никто не сможет это сделать так, как нужно.

Припоминаю еще один случай. Юра оформлял спектакль в Ташкенте. Оставил макет декорации будущего спектакля и уехал. А когда вернулся и увидел то, что натворили в его отсутствие, страшно разозлился, взял в руки топор и уничтожил все сделанное.

Если у него возникали какие-то разногласия с режиссером, то он просто хлопал дверью, нередко игнорируя солидное денежное вознаграждение.

А с какой особой, трепетной любовью относились к нему в Пермском театре оперы и балета, где он вместе с балетмейстером Гоги Алексидзе поставил «Золушку», «Моцартиану»! С Алексидзе Юру связывала большая творческая дружба...

С огромным удовольствием Юра работал с Тему-

ром Чхеидзе. Тут была абсолютная гармония, полное творческое взаимопонимание.

Автандил Варсимашвили, режиссер:

– До «Ханумы» я никогда не работал с Юрой Гегешидзе, но мне всегда нравились сделанные им спектакли. Когда я начал работать над пьесой Цагарели, то у меня появилась потребность в большом художнике-живописце. Им оказался Юра Гегешидзе. Помню свое первое впечатление: рафинированный интеллигент... Он долго и внимательно слушал меня. А я говорил ему об ашугах, истории Тбилиси... Потом Юра сказал: «Я подумаю. Встретимся через несколько дней!» Он уже был серьезно болен... Юре предстояла опера-



Ю. Гегешидзе и С. Вирсаладзе

ция, и он предложил мне найти другого художника. Но я обещал подождать. Ждать пришлось месяца полтора. Юре было очень плохо, но он каждый день приходил в театр... Когда ему становилось особенно плохо, он садился в гримуборной или пошивочном цеху, закрывал глаза, а мы ждали, пока художник продолжит работу. Он жил, горел своим делом. Юра был удивительный человек. А мы делали вид, что все в порядке, старались поддерживать его. Так получилось, что наш спектакль оказался последней работой художника. Я благодарен судьбе за то, что встретился с этим замечательным человеком.

Он быстро подхватил мою идею старого Тифлиса, тему ашугугов и очень точно воплотил ее в сценографии. Создал образ итальянского двора с перспективой на Сололаки, воплотил дух города, которого уже нет...

Ника Джандиери, режиссер:

– Когда-то Юра был главным художником русского ТЮЗа, оформил там немного спектаклей, но какие это были работы! Мы встретились с Юрой в постановке сказки «Емелино счастье». Я вспоминаю этот период как величайшее счастье. Юра придумал замечательные вещи – деревянно-соломенные фактуры. И весь спектакль, в котором были заняты как куклы, так и актеры, был собран из холста, узеньких палочек и стружек. Каждый костюм и каждая деталь были выполнены в этом стиле. Каждый элемент оформления был эксклюзивом.

Помню спектакль Левана Цуладзе «Безымянная звезда», в котором Юре удалось создать атмосферу захолустного городка. Я всегда поражался его макетам, которые помогали ему в работе над оформлением спектакля. В спектакле «Безымянная звезда» он устроил стог сена, лесенку, с которой герои смотрели на небо, звезды... Это была поистине сказка!



Он всегда создавал сказку, потому что был ярким, сверхколоритным художником, который из ничего делал Нечто. Я всегда чувствовал в нем ученика Солико Вирсаладзе, который тоже творил чудеса из ничего, из простых вещей.

Юра Гегешидзе – идеальный балетно-оперный художник. Все, что имеет отношение к сказке, должно было проходить через Юрины руки, через его фантазию. Не случайно Юрий Григорович был в таком восторге от Юры, когда встретился с ним, работая над «Шелкунчиком»...

В Юре всегда жил дух ученичества, и при этом он был абсолютно сложившейся творческой личностью.

Когда говорят, что у него был сложный характер, я думаю о том, что с настоящими профессионалами и творческими людьми у него никогда бы никаких сложностей не возникало. Он был просто невероятно требовательным и хотел именно ЭТОГО и ничего другого. Все – по самому большому счету!

Лоретта Шенгелия-Абашидзе, художник-график:

– Мне повезло – я встречала в жизни немало интересных людей. Один из них – Юра Гегешидзе.

Он относился к каждому спектаклю с огромным чувством ответственности, сам красил, шил. Юра по первой специальности был живописцем, и свою любовь к живописи воплощал в сценографии. У него было необыкновенное ощущение пространства сцены. Никогда не выпячивал себя, наборот, все подчинял



созданию единого, целостного образа спектакля. Давал возможность режиссеру творчески развернуться. Ощущал не только визуальный ряд, но и нить всего сценического действия.

В каждой постановке художника была зацепка, вокруг которой все строилось.

Помню спектакль «Дон Жуан», в котором внутри храма вместо окон висели живописные полотна – из этих «окон» открывался вид на город. Помню платье донны Анны с изумительной изумрудной лентой. Эта деталь была тесно связана со всем образом, художественным строем спектакля.

Он был совершенно бескомпромиссным человеком и работал с максимальной отдачей. И у него просто не было неудачных спектаклей!

Из тех, что особенно запомнились, – «Щелкунчик». Какие костюмы! Все было сделано как на одном дыхании. Открывается занавес – и ты попадаешь в сказочный мир. Художник создавал сказку.

Жаль, что Юре не удалось «добраться» до живописи. Он скучал по своей первой профессии. Но театр его притягивал своим азартом, возможностью сразу увидеть свое произведение крупным планом.

Юра Гегешидзе был необыкновенным человеком, и он был единственным художником, которому я могла бы полностью довериться в творчестве.

Подготовила ИННА БЕЗИРГАНОВА



Сборная «Буревестника» - СССР: Г. Андриадзе, Л. Сайчук (ст. тренер), А. Шевелев, Е. Рюмин, Ю. Осипов. 1961 г.

МУШКЕТЕР С ВЕРИЙСКОГО КВАРТАЛА

Мощенная булыжником улочка нехотя взбирается в гору. Дома идут уступами - терраса за террасой. В здании девятой школы застекленная галерея обегает классы и выходит на асфальтовый пятачок. Это Верхний двор. Здесь гоняли мяч, набирали физические кондиции ученики Николая Манукяна, которые к середине пятидесятых заставили заговорить об удивительном феномене: в одном классе этой тбилисской школы неспортивного профиля выросли восемь мастеров спорта, и среди них будущий победитель Кубка европейских чемпионов по баскетболу Илларион Хазарадзе. Объяснения искали в педагогическом таланте физрука, который рано приобщил детей к занятиям спорта, вовремя увидел, как тесно стало его мальчишкам в Верхнем дворе, и посоветовал самым упорным записаться в спортивные секции Республиканского Дворца пионеров и школьников.

Юра Осипов с товарищами прилежно посещал гим-

настический зал, но однажды заглянул на занятия фехтовальщиков... Не обошлось без влияния знаменитого американского фильма, но жизнь оказалась намного богаче событиями. Его первый тренер по фехтованию Анатолий Федоров, выпускник Петербургской военно-гимнастической школы, в прошлом полковник царской армии, похитил невесту из княжеского рода Думбадзе. Сюжет, достойный пера Александра Дюма. И аналогичный интриг кардинала, против которого сражались д'Артаньян с друзьями, было предостаточно. Под конец романа мушкетеры подписали мировую с опасным врагом, а Осипов всю молодую жизнь расплачивался за свою принципиальность, порядочность, гнул, но не ломался, недаром он родом из Сталинграда, а сталинградец, взявший в руки оружие, непобедим.

Он родился в марте тридцать седьмого в семье начальника Сталинградской железной дороги и директора школы. В октябре Осипа Марковича арестовали,

как сейчас говорят и пишут, незаконно репрессировали, но страшной сути дела не меняет – в семью отец больше не вернулся. Осталась мать с тремя детьми на руках: кроме Юры, у нее пятилетняя дочь и сын восьми лет. И еще носила под сердцем четвертого ребенка. Полный комплект «семьи врага народа» со всеми роковыми последствиями. Спасло их чудо. Сосед по лестничной площадке, генерал НКВД, предупредил: «Забирай детей, Зинаида, спасайтесь. Есть решение арестовать тебя через неделю, а детей сдать в приют». Мать с детьми пряталась на кладбище, а потом через Одессу добирались до Тбилиси. Поселились у бабушки (17 человек в одной комнате!) на Земмеле, который для Юры стал не просто историческим центром – центром Вселенной, ни за какие коврижки не оторвать его от Верийского квартала. Зинаида Александровна долго вспоминала их доброго спасителя, только не уберегли его эти молитвы и благословения. Позже узнали: соседа расстреляли, обвинив в причастности к убийству Кирова.

Но уже наступила недолгая хрущевская «оттепель». Осиповых известили о посмертной реабилитации отца за отсутствием в его действиях состава преступления. И председатель Федерации фехтования СССР Николай Попов позвонил Юре: «Твоя поездка на Олимпийские игры была под вопросом, но теперь ты выезжаешь в составе сборной». Все тогда было впервые: первая и последняя его Олимпиада и даже первые пробные самолеты ТУ-104, на которых они добирались из Киева в Ташкент.

Появление в олимпийском Мельбурне 19-летнего Осипова, годом раньше введенного в сборную, стало событием. Фехтование на рапирах, как и другие его виды, опирается на опыт. Недаром в итальянской сборной, выигравшей в Австралии командный турнир, выступали чемпионы Берлинской олимпиады 1936 года Манджаротти и ди Роза. Советская команда к тому времени таких успехов не имела, начав культивировать этот вид спорта перед Хельсинкской олимпиадой. Законодателями фехтовальной моды были рапиристы Франции, Италии и Венгрии. В командном турнире советская сборная пятая, и семь Юриных побед были очень кстати. На одну победу больше у Мидлера, у Рудова – пять. Всех троих допустили в личный турнир. Фамилия Осипова, недавнего победителя всесоюзных юношеских соревнований и второго призера I Спартакиады народов СССР, громко прозвучала в Мельбурне после его сенсационных побед над Манджаротти (Италия), Латаста (Франция), Шаковичем (Венгрия), многократными олимпийскими чемпионами и призерами, чемпионами мира.

Потом было возвращение домой на теплоходе «Грузия», ведомом знаменитым капитаном дальнего плавания Элизбаром Гогитидзе. Купание в судовом бассейне олимпийских чемпионов, к великому их неудовольствию. И поезд Владивосток-Москва. Все олимпийцы разместились в четырехместных купе, а он – в двухместном, со старшим тренером сборной всесильным Манаенко. Иван Ильич, в прошлом известный фехтовальщик, участник Хельсинкской олимпиады, все восемь

дней уговаривал молодого попутчика переехать в Москву, обещал квартиру, учебу в любом техническом вузе столицы, наконец, пятнадцать лет пребывания в сборной. Юра не поддался на уговоры. Студент-первокурсник химического факультета ГПИ защищал спортивную честь Грузии и «Буревестника», и его не прельщала переход в «Динамо» или ЦСКА, под крылышко Ивана Манаенко и Виталия Аркадьева. Если б знал молодой упрямец, как аукнется ему этот отказ!

Только ли ошибками молодости можно объяснить это судьбоносное решение? Отказаться от настоячивых приглашений в суперклубы с министрами и Маршалами Советского Союза во главе, от ухода из «Буревестника» и щедрых посулов, перед которыми не устояли все товарищи по спорту. Не последнюю роль сыграл и его отказ указывать в спортивных документах своим вторым тренером Манаенко...

Пока ему ничто не грозило. Через год после Мельбурна в составе сборной «Буревестника» (Осипов, Жданович, Сисикин, Рюмин) выиграл первенство СССР и потом еще дважды. Участник семи личных финалов чемпионатов страны, он четыре раза становился их призером. В 1957-м в Ворошиловграде завоевал и золото, но его у него отняли. В трудном поединке с армейцем Мидлером победил 5:2, а судьи не спешили его награждать. После долгого совещания они вынесли беспрецедентный вердикт: результат одного из боев Мидлера аннулировался, его предлагалось провести заново. В случае успеха Марк получал возможность догнать Осипова по количеству одержанных побед, и он воспользовался этим подарком. Участников финального боя уже закончившегося чемпионата повторно вызвали на дорожку. Юрий вынужден снова облачиться в белый боевой костюм. Выведенный из равновесия судейской несправедливостью, он не совладал с нервами и проиграл. Они одновременно поднялись на пьедестал почета, моральный победитель и мнимый.

Осипов, единственный среди советских фехтовальщиков, добывает в Варшаве бронзу молодежного мирового первенства (до 21 года), исключительно сильного



Г. Джагани, И. Хазарадзе, Г. Цагарели и Ю. Осипов



Культура, в том числе и физическая,
играет огромную роль в объединении
наций. «Русский клуб» прекрасно
справляется с этой задачей, особенно,
в наше очень непростое время.
Ю. Демид

по составу. Жданович и Рюмин в финальные соревнования не попали, Забелина только четвертая. На чемпионате мира в Париже Юрий вместе с товарищами по оружию Мидлером, Рудовым и Рюминым завоевывает в команде бронзовые медали, первые в истории отечественного фехтования на рапирах. В 1959-м он третий на Кубке Италии, более известном как Кубок Европы – впереди Мидлера, Ждановича, Свешникова, Рудова. Такое же высокое место занимает на II Спартакиаде народов СССР. На Всемирной Универсиаде-59 в Турине в финальном матче за золото советская команда (Жданович, Сисикин, Осипов, Рюмин) разгромила венгров 11:5. На счету Осипова в этом захватывающем противостоянии три победы в четырех поединках. В том же году на чемпионате мира венгерская сборная уступила всего один укол сборной СССР, за которую выступали Жданович, Сисикин, Свешников, Мидлер, при счете в матче 8:8. «Судите сами, какая из двух наших команд была сильнейшей», – говорит мне сегодня Юрий Осипович.

В олимпийском году у него лучшая в сезоне сумма очков, но на Игры берет ученика Манаенко – Юрия Рудова, у которого ни одного очка. И если в первом розыгрыше Кубка СССР-58 Осипов был вторым, то через два месяца после Римской олимпиады, выступая в Тбилиси перед земляками, доказал свою силу в финальном бою с Шевелевым.

Обладатель двух золотых олимпийских медалей Рима Жданович не смог пробиться в тбилисский финал. Такова была высокая цена победы Юрия Осипова в розыгрыше Кубка СССР, за который сражались 12 сильнейших рапиристов. В 1962-м он снова первый по всем показателям, безоговорочный лидер, но в последний момент тренеры сборной передумали посылать его на чемпионат мира в Буэнос-Айрес, где он мог праздновать двойную победу.

История повторилась перед Токийской олимпиадой. Он принял решение, и в 29 лет зачехлил свою боевую рапиру. После десяти лет пребывания в сборной сошел с дорожки. Парадокс, но рапириста, пробившегося с оружием в мировую элиту, победителя Универсиады-59 и международных турниров, удостоили лишь звания мастера спорта международного класса. Его обижали, бесцеремонно лишив возможности участвовать в двух Олимпийских играх (это две чемпионские медали!), двух чемпионатах мира, а он остался доброжелательным, простым, отзывчивым на чужую радость и беду, каким его знают и любят.

Выдающемуся фехтовальщику, медалисту со школы, еще хватило времени на овладение двумя высшими инженерными специальностями. Опровергая поговорку «не хлебом единым», он стал крупным специалистом хлебопечения, пройдя путь от рабочего до командира производства и заместителя министра хлебопродуктов. Его по-прежнему можно увидеть на самых престижных соревнованиях. И не только среди зрителей. Судья международной категории (с 1979г.), он судил на олимпийском турнире рапиристов в Москве, на Кубке Европы в Париже.

Спорт одарил его дружбой с легионом людей – бескорыстных служителей и почитателей. И, в первую оче-



Легендарный К. д'Ориола и Ю. Осипов. Атланта, 1996 г.

редь, вспоминаешь их великолепную тбилисскую четверку. «Первого сентября 1944 года мы, семилетние, впервые встретились в школе, – рассказывает мне, – с тем, чтобы уже не расставаться, Илларион Хазарадзе, будущий чемпион Европы, мастер спорта международного класса; многократный чемпион Грузии в фехтовании на рапирах, мастер спорта Гурам Джаиани; Гиви Цагарели, призер первенства СССР в фехтовании на шпагах, ныне доктор химических наук. 62 года вместе, дружим семьями, дружат наши супруги, дети и внуки, встречаемся каждую неделю».

Вместе радуются обнадеживающим переменам. Нашлись спонсоры, заинтересованные в развитии отечественного фехтования, возрождении богатых традиций, профинансировали федерацию. Появилась возможность принять приглашения участвовать в турнирах в Иране и Турции. Есть способная молодежь, наши будущие олимпийские надежды.

Я спросил вице-президента Федерации фехтования Грузии, как он, Юрий Осипов, относится к своей репутации невезучего чемпиона, и услышал: – «В 19 лет я победил великого фехтовальщика современности, 6-кратного олимпийского чемпиона в фехтовании на шпагах и рапирах Эдоардо Манджаротти. на Олимпиаде в Мельбурне. О чем еще может мечтать рапирист?»

АРСЕН ЕРЕМЯН

ВААЛ, СПАСИ НАС

«... И если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и также, если смочет край Мыса или Друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я один со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе».

Замечательный английский поэт Джон Донн предупредил нас об этом надолго, навсегда.

Смерть Александра Котетишвили умила мир. Из жизни ушел прекрасный драматург и удивительно порядочный человек. Унес частицу нашей души. И мир многих знавших его людей стало беднее. Можно говорить о нем много. Можно писать о нем много. Можно вспоминать о нем часто. Можно и нужно издать сборник его пьес и рассказов. Напечатать роман. Но все это лучше было сделать при жизни. И тогда, наверно, ему было бы легче существовать в этом жестоком мире. Впрочем, Время живет по своим законам, оно безжалостно отделяет пшеницу от плевел, выбрасывает на свалку забвения ворующих временщиков, но берегает для истории каждую добрую мысль, каждое доброе дело и все добрые слова.

Таких добрых слов Саша, как все его называли, написал очень много. Они стали пьесами и разошлись по сценам многих театров бывшего Союза, но первый спектакль, «Райские яблочки», в постановке Сандро

Товстоногова, вышел на сцене Тбилисского русского драматического театра имени А. Грибоедова. Этот спектакль стал триумфом драматурга Александра Котетишвили и большим творческим успехом всего театра. Потом в грибоедовской афише и афишах многих театров от Прибалтики до Сибири появились Сашины пьесы «Всплытие на полюсе», «Время следователя», «На большой дороге», «Ночные колокола», «Он, она и другие», «Ваал, спаси нас» и другие.

В то время Грибоедовский театр был действительно русским театром, очагом русской и мировой театральной культуры в Грузии. Саша как драматург и залив театра помогал строить репертуар главным режиссерам Гиги Лорткипанидзе, Сандро Товстоногову, Котэ Сурмава, Гоги Кавтарадзе. Он находил новые пьесы,



новых авторов, инсценировал для театра большую прозу. Спектакли тех лет наполняли зал в Тбилиси и позволяли театру много и успешно гастролировать.

Драматургия – это особый жанр литературы. Склонность к ней проявилось у Саши уже на первом курсе московского Литературного института имени Горького. Известный драматург Виктор Розов взял его в свою мастерскую, и рукописи первых пьес студента литинститута Саши Котетишвили пошли гулять по театрам Москвы. Время хрущевской «оттепели» кружило головы многим молодым литераторам, драматургам, поэтам. Казалось, можно написать, опубликовать и поставить все или почти все. Появился театр «Современник» Олега Ефремова, открылась студия Юрия Любимова, студенческий театр МГУ. Поэтические вечера

Евтушенко, Ахмадулиной, Рождественского, Вознесенского в Политехническом музее собирали тысячные аудитории, а в переулках старой Москвы с гитарой в руках бродил бард Булат Окуджава, завораживая город новой мелодикой песен. «Ах, Арбат, мой Арбат, ты мое Отечество...» Вместе с Сашей мы дышали этим воздухом, бегали на премьеры, не стесняясь быть не очень модно одетыми, не всегда очень сытыми, главное было успеть увидеть, услышать, узнать все новое, что происходило в шестидесятые и самим стать шестидесятниками. И если в те годы Сашины пьесы не увидели сцены, то это только потому, что он был чуть откровенней чем можно, чуть острее и злее позволенного. Наверно, у него были для этого основания, ведь он принадлежал к той ветви исторически известной в Грузии фамилии Котетишвили, на долю которой за честное служение отечеству выпало много и хвалы, и хулы, и семейных трагедий.

В детское сознание Саши впечатались и магаданская эпопея родителей, и голод сибирской эвакуации, и годы послевоенных странствий с матерью и отцом, известным инженером Георгием Александровичем Котетишвили, восстанавливавшим разрушенные заводы. Генетический и собственный жизненный опыт

возможность для истинно свободного существования. Драма молодой героини «Райских яблочек» оказалась драмой обманутого поколения. Тогда он сумел обмануть цензоров-идеологов, они были людьми и иногда и им не были чужды чувства человеческие, но цензоров нового времени по имени Деньги он обманывать не захотел, да и не мог.

Многие годы в своем театре и за его стенами он честно служил двум великим культурам – русской и грузинской. Честно служил Времени, в котором жил. Когда в начале девяностых на проспекте Руставели случилась гражданская война, Саша написал о тех страшных событиях киносценарий «Клюв безумия». Это было очень честное произведение о тех днях, о персонажах новых и недавнего коммунистического прошлого.

В отечестве этот сценарий оказался незамеченным, но на международном конкурсе киносценариев «Хартли-Меррилл Прайз», в Институте кино Роберта Редфорда в Америке, он попал в первую тройку призеров. Незамеченным было и то, как драматург Александр Котетишвили оказался в театре персоной нон грата.

В театре, таким как он стал сейчас, ни талант, ни его яркий парадоксальный ум оказались не нужны. Если его и вспоминали, то как то изредка и вскользь.

Но он, несмотря на тяжелую болезнь, не терял времени, он знал, что и Время не потеряет его. Он написал роман «Овечий пантеон». Написал остро, зло и честно. Написал как волонтер двух великих культур. Написал с болью и надеждой, что время временщиков по обеим сторонам Кавказского хребта кончится, и зерна разума не склюет клюв безумия.

Человек удивительно скромный и порядочный, Александр Котетишвили сумел прожить свою нелегкую и не очень долгую жизнь, никого не обидев, не оскорбив, не предав. Ни в одной написанной им вещи ни в чем не покривив душой. Не многим это удается. А потому не спрашивай, по ком звонит Колокол, а слушай, слушай его...

ИНГА ГАРУЧАВА, ПЕТР ХОТЯНОВСКИЙ



в сочетании с огромной эрудицией и природным талантом сделали его одним из самых ставящихся в Грузии драматургов в семидесятых и восьмидесятых годах. Но ни в одной пьесе он не позволил себе подыгрывать власти ради званий, почестей и наград. Он научился в личных драмах героев своих пьес зашифровывать вину власти, не способной и не желающей дать людям

ИЗ

ГЛУ

АРИСТОКРАТ ЯМБИЧЕСКИХ КРОВЕЙ

Имя профессора ТГУ Константина Сергеевича Герасимова, глубокого знатока литературы и культуры, сонетолога и поэта, библиофила и эссеиста, стало знаковым для многих поколений студентов-филологов. Автору этих строк посчастливилось не просто слушать удивительные по широте и глубине охвата материала лекции Константина Сергеевича, но и быть удостоенным чести включения в узкий круг лиц, которым он открывал сокровенные уголки своего духовного мира, потаенные клады города мертвецов, как он называл свою уникальную библиотеку.

Увы, со смертью Константина Сергеевича в конце июля 1998 года, последовавшей спустя несколько часов после его 72-летия, рухнул, расплзшись по букинистическим лавкам, по случайным, но чаще неслучайным рукам и созданный им мир, не имевший прямого наследника.

- Знаешь, в чем отличие библиофила от книголюба?! - во время одной из ночных бесед за бокалом красного вина спросил меня Константин Сергеевич, и сам же ответил на вопрос, - представь себе, что у тебя разваливаются туфли, и ты с великим трудом скопил денег на новую пару. Идешь в



К. Герасимов (в центре)

обувной магазин, и вдруг по дороге, на витрине у букиниста, видишь прижизненное издание Гумилева. Любитель почешет в затылке и пойдет дальше, а библиофил купит книгу и вернется домой босиком.

Я начинал с малого. Мой отец по вечерам читал римских классиков на латыни, - продолжал свой рассказ Константин Сергеевич. Кстати, однажды у меня с великим мэтром филологии Михаилом Леоновичем Гаспаровым состоялся интересный диалог:

- Как вы думаете, удачен ли перевод «Энеиды» Вергилия?

- Об этом трудно судить не владея латынью.

- Да, но если вы владеете латынью, то зачем вам перевод?

Так вот, дед мой, Авдей Яковлевич, был страстным библиофилом. После революции он работал в типографии, так что процесс рождения книги я запомнил и полюбил с детства. Юность моя выпала на Великую Отечественную. Маме, чтобы не уморить нас голодом, пришлось продать редчайшие книги. Тогда во мне проснулся настоящий азарт, и, пока я не вернул роскошную «Пиковую даму» с иллюстрациями Бенуа, покоя не находил.



С тех пор начали формироваться мои библиофильские вкусы. С 64-го года преподаю в ТГУ историю книги и книгопечатания. На эту тему у меня есть все основное, выходявшее из печати. С детства собираю мировую классику. Причем не случайные издания, а снабженные научным комментарием. Еще одна сфера интересов – литературоведение, история и теория стиха. И здесь не счесть алмазов на книжных полках. Особенно это касается литературы по сонету.

Константина Сергеевича по праву можно назвать «Рыцарем сонета», этой сложнейшей четырнадцатистрочной формы стиха, обладающей жанрообразующими признаками. Работы Константина Сергеевича по диалектике канона сонета, по параллелям между архитектурой сонета и готической архитектурой, по теории Венка сонетов – 15-ти сонетов, каждый из которых начинается с последней строки предыдущего, а последний, магистрал, составляется из первых и последних строк 14-ти предшествующих, были признаны классическими еще при жизни профессора Герасимова как в Грузии, так и в России, и в Германии.

Константин Сергеевич – организатор двух международных конференций по сонету в ТГУ в 1985 и 1988 гг. Несколько лет, вплоть до вхождения в необратимую

стадию подкосившей его болезни крови, профессор Герасимов руководил созданным им Пушкинским обществом, объединявшим филологов и писателей всех возрастов. Выбор автором этих строк диссертационной темы по сонетам К. Бальмонта, также был вдохновлен Константином Сергеевичем, оставившим много преданных и блестяще проявивших себя на филологическом поприще учеников как в Грузии, так и за ее пределами.

Но возвратимся к записям наших бесед.

- Одну из главных задач, которую я перед собой поставил, удалось выполнить лишь отчасти, правда, по большей части – это собрать всю римскую классику на латинском языке, причем изданную до XVII в. Изданий XVIII в. у меня много, но тогда уже началось массовое книгопечатание, а я больше ценю подлинные раритеты. Книга до XVII века – это всегда произведение искусства, источающее особый аромат. Я составил список из 30-ти авторов и плюсик после каждой фамилии ставил лишь когда добывал полное собрание сочинений. Всего пока собрал 300 книг.

Здесь надо заметить, что вышеприведенная информация предназначалась лишь для ушей уже упомянутых особо приближенных. Константин Сергеевич тщательно скрывал от посторонних наличие драгоценных раритетов, хранимых им в подвале при особом температурном режиме. Мало ли на свете лихих людей, да и с советским КГБ дело иметь не хотелось, ведь профессор

Герасимов получал по различным неафишируемым каналам книги запрещенных авторов из-за границы. Он знакомил нас, избранных, с ними, но одалживать не только запрещенные, но и просто книги не любил, хотя хозяином был щедрым и гостеприимным. Я его понимаю – оторвать от себя книгу, пусть даже на время, – это значит поколебать устоявшийся, взлелеянный тобою мир.

По до конца непонятым мною причинам скрывал Константин Сергеевич от широкой общественности и свои великолепные стихотворения, лишь на закате жизни издав восхитительный сборник «De profundis» («Из глубины»), не поступавший в продажу и по рождению уже ставший библиографической редкостью. Выдающиеся филологи, профессора МГУ Сергей Иванович Кормилов и Олег Иванович Федотов трогательно благодарили меня за доставленные в Москву на конференцию, в которой я принимал участие в 2004 году, сборники (чуть ли не последние из сохранившихся у меня) поэзии Константина Сергеевича.

И вновь слово дневникам, между строк которых выплывает образ Константина Сергеевича, задумчиво глядящего в окно на падающий снег.

- История книги навела меня на мысль коллекционировать фирменные экземпляры выдающихся книгоиздателей средневековой Европы. В моей коллекции венецианцы Мануции (XV-XVI вв.), французы Этьенн, Фробен (XVI в.), англичанин Баскервиль (XVIII в.), голландцы Эльзевиры (XVII в.), русские духовные книги (XVII в.), первое прижизненное издание «Телемахида» Триаковского, прижизненные издания Ломоносова, Державина.



Любя книгу, я стал немного и алхимиком. Изобрел растворы, способы исцеления раритетов от всякой червивой нечисти.

Есть в библиотеке и рукописи - тибетские молитвы, лютеранские свитки с карикатурами на Папу римского, грузинские рукописи. Но самый забавный и уникальный раритет - новгородская берестяная грамота XV века с таким содержанием: «Челобитная от Иосифа брату своему Фоме. Перслеживай о Таньке и чтоб не блудила чего зря».

Книгоиздательство, литературоведческая деятельность свели меня с великими библиофилами, Павлом Берковым (28 000 книг), Михаилом Алексеевым (30 000 книг). Нам приходилось соблюдать осторожность - не все попытки достать редкую книгу поощрялись в советское время. Но, к чести книжной братии, донощиков на нашем Олимпе не было.

Особо хочу сказать о дружбе с Игорем Стефановичем Поступальским. Это человек, подвергшийся репрессиям, не имевший никаких степеней, но на конференциях к его гостиничному номеру выстраивалась очередь из докторов и академиков, желавших с ним побеседовать или получить консультации. Игорь Стефанович, солагерник Мандельштама, был свидетелем последних дней великого поэта. Поступальским была собрана уникальная библиотека, корни которой ведут к разоренной усадьбе Набокова, отца известного писателя. Десятилетним ребенком он выуживал из пруда и со свалки книги, выброшенные пролетариями, и таскал к себе домой. Поступальский подарил рус-

кому читателю многих французских символистов, под его редакцией и часто в его переводах впервые выходили книги Эредиа, Леконта де Лиля, Рембо. Работу над Верленом прервала смерть.

И этот, не побоюсь громкого слова, великий человек, всю жизнь нуждался. У меня слезы наворачивались на глаза, когда сделав ответный жест и пригласив меня в московский ресторан, он, расплачиваясь, достал узелок с мелочью, которую копил целый год, и начал отсчитывать презрительно скривившему губы официанту.

Константин Сергеевич защищал диссертацию по творчеству Валерия Брюсова. Конечно же, это был не случайный выбор, ведь творчество Брюсова представляет собой наиболее яркий в истории русской литературы синтез науки и поэзии, что так соответствовало духу творчества самого Константина Сергеевича. Судьба свела его с вдовой Валерия Яковлевича, Иоанной Матвеевной. Она была женщиной своеобразной. Скажем, Маяковского не любила за то, что «он был такой высокий, и когда входил в комнату, мне становилось неудобно за невытертую на шкафах пыль». «Не жаловала она и Гиппиус, как ты думаешь, за что? За брюки и декольте», - вспоминал Константин Сергеевич.

Незабываемы спецкурсы профессора Герасимова по русской философской поэзии, по истории научной фантастики, так же как и его неповторимый юмор. Вот, почти уже напоследок еще одна его благородная шутка. Однажды в аудитории мы обратились к Константину Сергеевичу с вопросом - в чем величие романа Чернышевского «Что делать?»

- Владимир Ильич Ленин считал этот роман высокохудожественным произведением, Надежда Константиновна Крупская придерживалась противоположной точки зрения. А я, знаете ли, не охотник вмешиваться в споры между мужем и женой.

В последний путь Константина Сергеевича я проводил сонетом, опубликованным тем печальным летом 98-го в газете «Закавказские военные ведомости»:

ПАМЯТИ К. С. ГЕРАСИМОВА

Аристократ ямбических кровей,
Князь дактиля, анапеста владетель,
Печальный продолжатель и радатель
Династии сонетных королей.
Повержен амфибрахий и хорей.
Их победитель - их же благодетель,
А ветер пусть срывает двери с петель
Мэтр недоступен буйству декабрей.
Нет, здесь не башня из слоновой кости,
Сюда идут поклонники и гости,
Плывут друзья из-за семи морей.
Здесь места нет невеждам и тупицам,
Здесь царство книг. И вечным датским принцем
Остался он в империи своей.

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ



АФК «СИСТЕМА» – КРУПНЕЙШАЯ В РОССИИ И СНГ ПУБЛИЧНАЯ ДИВЕРСИФИЦИРОВАННАЯ КОРПОРАЦИЯ, ВЛАДЕЮЩАЯ И УПРАВЛЯЮЩАЯ ПАКЕТАМИ АКЦИЙ КОМПАНИЙ БЫСТРОРАСТУЩИХ СЕРВИСНЫХ СЕКТОРАХ ЭКОНОМИКИ

«Наш бизнес – растущий бизнес»

В настоящее время в портфеле АФК «Система» сосредоточены наиболее перспективные активы в таких отраслях как телекоммуникации, высокие технологии, страхование, недвижимость, банковский сектор, розничная торговля и масс-медиа.

Крупнейший оператор мобильной связи МТС предоставляет услуги 58,2 млн абонентам в России, Украине, Белоруссии, Узбекистане и Туркменистане.

«Концерн Ситроникс» объединяет ведущие высокотехнологичные предприятия электронной промышленности Российской Федерации.

Региональная сеть страховой компании РОСНО состоит из 100 филиалов, которые обслуживают более 7 млн людей и 50 000 предприятий по всей России.

ЗАО «Система-Галс» – одна из ведущих девелоперских компаний на рынке недвижимости, специализация которой позволяет комплексно подходить к реализации всех стадий проекта – от формирования идеи и разработки проекта до строительства и последующей эксплуатации объекта.

Компания «Детский мир» управляет не только знаменитым детским универмагом в Москве, крупнейшим в Европе, но и еще 45 магазинами в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и 13 российских городах.

АФК «Система» концентрирует финансовые, интеллектуальные и управленческие ресурсы для развития высокотехнологических отраслей России.

В корпорации работает около 80 000 человек во всех регионах страны – от Калининграда до Дальнего Востока. Более 100 промышленных, финансовых и торговых предприятий, входящих в корпорацию, работают в интересах российского общества.



ОАО АФК «Система»:
125009 Москва, Леонтьевский пер, 10.
Тел: (495) 629-06-00, факс: (495) 232-33-91
<http://www.sistema.ru>
<http://www.sistema.com>



გაერთიანებული ქართული ბანკი
UNITED GEORGIAN BANK

Address: 14 Chanturia Str. Tbilisi, 0102 Georgia
Telephone: (+ 995 32) 505-505
Fax: (+ 995 32) 505-500
E-mail: admin@ugb.com.ge
Internet: www.ugb.ge